

История
из тех, что
не забываются
Independent

ВКУС ДЫМА

Дебют редкой
силы и изящества
Observer

Захватывающе
New York Times

Ханна Кент

Ханна Кент

Вкус дыма

Издательство «Синдбад»

2013

УДК 821.111-31
ББК 84(8Австрал)-44

Кент Х.

Вкус дыма / Х. Кент — Издательство «Синдбад», 2013

ISBN 978-5-906837-20-2

Исландия, начало XIX века. Молодая женщина Агнес Магнусдоттир приговорена к смертной казни за убийство возлюбленного. В ожидании утверждения приговора Агнес отправляют на отдаленный хутор, где ей предстоит прожить несколько месяцев в обычной семье. Изможденную и закованную в цепи, поначалу крестьяне воспринимают ее как монстра, но с течением времени начинают понимать, что реальная история гораздо сложнее, чем представленная на суде... «Вкус дыма» – это книга о том, чем стали месяцы совместного проживания для Агнес и тех, кто ее приютил. Это психологическая драма, разворачивающаяся на фоне суровых северных пейзажей, среди немногословных и сдержанных людей, способных, тем не менее, на отчаянные поступки.

УДК 821.111-31
ББК 84(8Австрал)-44

ISBN 978-5-906837-20-2

© Кент Х., 2013
© Издательство «Синдбад», 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ханна Кент Вкус дыма

Hannah Kent
Burial Rites

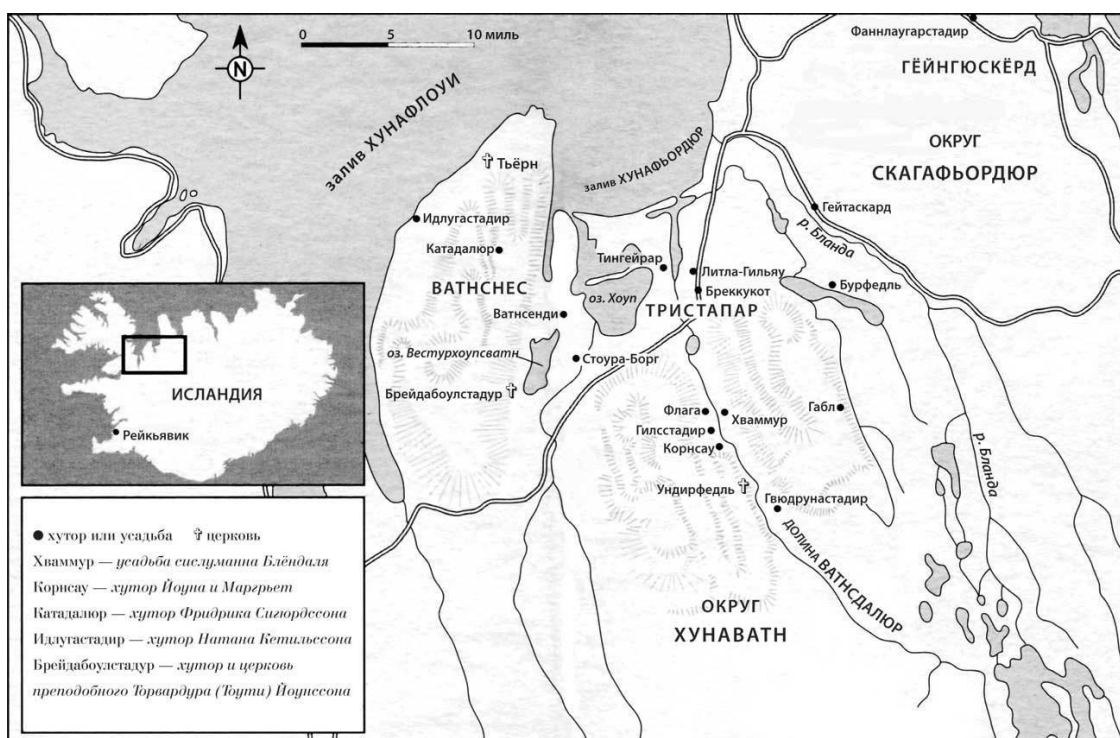
© Hannah Kent, 2013

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2016

* * *

Моим родителям

*Тому принесла я величайшее горе, кого я любила больше всех.
Сага о Людях из Лососьей долины¹*

¹ Перевод В. Г. Адмони и Т. И. Сильман. — Здесь и далее прим. пер.

Пролог

ОНИ ГОВОРЯТ, ЧТО Я ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ. Говорят, что я задула свечу чужой жизни и теперь та же участь должна постигнуть меня. При этих словах мне представляется, что все мы свечи, трепетно и ярко горящие в темноте, на воющем ветру, – и тогда в тишине комнаты я слышу шаги, жутко и неумолимо приближающиеся шаги того, кто задует мое пламя, и жизнь моя отлетит серым завитком дыма. Я исчезну, растаю в воздухе и в ночи. Они задуют всех нас, одного за другим, и тогда только в собственном своем свете будут видеть себя. Что же станет со мной, куда я денусь?

Порой мне мнится, будто я вновь вижу хутор, охваченный ночным пожаром. Порой я чувую, как обжигает легкие морозный воздух, и словно вижу огонь, отразившийся в море. Как непривычно, как странно выглядит вода, играющая отблесками пожара. Той ночью в какое-то мгновение я оглянулась назад. Оглянулась, чтобы посмотреть на огонь... И до сих пор, если я лизну свою кожу, то почувствую на языке вкус соли. Вкус дыма.

Боже мой, как же холодно.

Я слышу шаги.

Глава 1

Объявление

24 марта 1828 года состоится продажа с торгов имущества, оставленного хуторянином Натаном Кетильссоном. Названное имущество – одна корова, пара лошадей, довольно много овец, сена и мебели, седло, уздечка, а также много тарелок и блюд. Все это будет продано лишь в случае, если предложенная цена окажется достойной. Все вышеозначенное достанется тому, кто даст лучшую цену. Если торги невозможно будет провести из-за ненастья, их надлежит перенести на ближайший погожий день.

Сислуманн²

Бьёрн Блёндаль

20 марта 1828 года

Его высокопреподобию Йоуханну Тоумассону

Благодарю за любезное Ваше письмо от 14 числа сего месяца, в котором Вы изъявили желание узнать, как именно мы осуществили погребение Пьетура Йоунссона из Гейтаскарда, который, как известно, в ночь с 13-го на 14-е число сего месяца был убит и сожжен вместе с Натаном Кетильссоном. Как известно Вам, преподобный, возникли кое-какие разногласия касательно того, следует ли хоронить прах Пьетура Йоунссона в освященной земле. После рассмотрения его дела в Верховном суде ему предстояло понести наказание за воровство, грабеж и хранение краденого имущества. Тем не менее мы до сих пор не получили из Дании никаких писем на сей счет. Судья земельного суда вынес обвинение Пьетуру 5 февраля минувшего года и приговорил его к четырем годам каторжных работ в исправительном доме Расфус в Копенгагене, однако ко времени его убийства он был еще, если можно так выразиться, «вольной птицей». Поэтому мы пошли навстречу Вашим пожеланиям и похоронили его по христианскому обряду, равно как и Натана, поскольку одного нельзя было отнести к тем, кто недостойн христианского погребения, о чем недвусмысленно говорится в послании Его Королевского Величества от 30 декабря 1740 года, в коем перечислены все, кого не позволено хоронить как добрых христиан.

Сислуманн

Бьёрн Блёндаль

30 мая 1829 года

Преподобному Т. Йоунссону

Брейдабоулстадур, Вестурхоуп

Младшему проповеднику Торвардуру Йоунссону

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии и благополучии несущим слово Господне пастве Вестурхоупа.

Прежде всего я хотел бы передать тебе, хотя и запоздало, свои поздравления с успешным завершением учебы на юге Исландии. Твои прихожане говорят, что ты усердный молодой человек, и я одобряю твое решение вернуться на север, дабы начать священническую службу

² Сислуманн – представитель высшей налоговой, судебной и административной власти в сисле (округе); должность, существовавшая в Исландии до XX века.

под руководством своего отца. Весьма радостно мне знать, что еще остались праведные люди, желающие исполнять свой долг перед близкими и Господом.

Далее, уже в качестве сислуманна, обращаюсь к тебе с просьбой. Ты знаешь, что жизнь нашей общины не так давно была омрачена тенью преступления. Гнусное идлугастадирское убийство, совершенное в прошлом году, воплотило в себе все безбожие и порочность этого округа. Будучи сислуманном Хунаватна, я не могу потакать отступлениям от законов общества, а потому после давно ожидаемого одобрения Верховного суда в Копенгагене намерен предать идлугастадирских убийц смертной казни. Именно в связи со всей этой историей я и обращаюсь к тебе с просьбой о помощи, младший проповедник Торвардур.

Как ты наверняка помнишь, подробности происшедшего я уже излагал в письме, которое почти десять месяцев назад разослал служителям церкви вкупе с распоряжением повсеместно произнести проповеди, сурово порицающие преступников. Позволь же мне повторить свой рассказ, дабы на сей раз дать тебе более обильную пищу для размышлений.

В прошедшем году, в ночь с 13 на 14 марта, тремя людьми было совершено тяжкое и гнусное преступление против двоих мужчин, с которыми ты, вполне вероятно, был знаком, – Натана Кетильссона и Пьетура Йоунссона. Тела Натана и Пьетура были найдены на пожарище принадлежавшего Натану хутора Идлугастадир, и тщательный осмотр останков позволил обнаружить на их телах ранения, явно нанесенные человеческой рукой. Это открытие потребовало начать следствие, а затем состоялся и суд. 2 июля минувшего года окружной суд под моим председательством нашел трех человек, подозреваемых в этом убийстве – мужчину и двух женщин, – виновными и приговорил их к обезглавливанию: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти»³. 27 октября минувшего года смертные приговоры были утверждены земельным судом в Рейкьявике. В нынешний момент дело рассматривается в Верховном суде в Копенгагене, и мое решение, весьма вероятно, будет поддержано и там. Имя мужчины, обвиняемого в убийстве, – Фридрих Сигюрдссон, сын хуторянина из Катадалюра. Женщины, его сообщницы, – служанки, их имена Сигридур Гвюндмюндсдоттир и Агнес Магнусдоттир.

Сейчас все приговоренные содержатся под стражей здесь, на севере, и в таком положении пребудут до самой своей казни. Фридриха Сигюрдссона увез в Тингейрар преподобный Йоуханн Тоумассон, а Сигридур Гвюндмюндсдоттир перевезли в Мидхоп. Агнес Магнусдоттир должна была до казни содержаться в Стоура-Борг, однако по причинам, говорить о которых я не имею права, в следующем месяце будет переведена на новое место содержания – хутор Корнсау в долине Ватнсдалюр. Она недовольна своим нынешним духовным наставником, а потому воспользовалась одним из немногих оставшихся у нее прав и потребовала себе другого духовника. Тебя, младший проповедник Торвардур.

Обращаясь к тебе с этой просьбой, я испытываю некоторые сомнения. Я прекрасно сознаю, что до сих пор обязанности твои ограничивались духовным наставлением прихожан юного возраста – дело, безусловно, почетное, однако же политически малозначимое. Ты сам волен признать, что недостаточно искушен, дабы привести эту преступную женщину к Господу и Его безграничному милосердию, и в таком случае я не стану опротестовывать твой отказ. Дело это – тяжкое бремя, которое я не сразу решился бы возложить и на плечи более искушенных служителей церкви.

Однако же, если ты примешь на себя обязанности по приготовлению Агнес Магнусдоттир ко встрече с Господом, тебе придется регулярно, как только позволит погода, посещать Корнсау. Ты должен будешь проповедовать слово Господне, пробуждать в ней раскаяние и смиренное принятие Правосудия. Не допусти, чтобы на твое решение повлияли лесть или

³ Исх. 21:12.

родство с преступницей, если таковое имеется. По всем вопросам, преподобный, буде ты не сумеешь принять собственного решения – обращай за помощью ко мне.

Я жду твоего ответа. Передай его, будь любезен, с моим курьером.

Сислуманн

Бьёрн Блёндаль

МЛАДШИЙ ПРОПОВЕДНИК ТОРВАРДУР ЙОУНССОН укреплял новыми камнями очаг в небольшом домике, примыкавшем к брейдабоулстадурской церкви, когда услышал от порога негромкое покашливание отца.

– Тоути, прибыл курьер из Хваммура. Он спрашивает тебя.

– Меня?

От неожиданности Тоути выронил камень, и тот упал на земляной пол, только чудом не стукнув его по ноге. Преподобный Йоун досадливо поцокал языком, шагнул внутрь, нагнув голову под низкой притолокой, и легонько оттолкнул Тоути.

– Да, именно тебя. Он ждет.

Курьером оказался слуга в поношенной одежде. Он окинул Тоути долгим взглядом и лишь затем заговорил:

– Проповедник Торвардур Йоунссон?

– Да, это я. Добрый день. Э-э... собственно говоря, я – младший проповедник.

Слуга пожал плечами.

– Я привез тебе письмо от сислуманна, его чести Бьёрна Блёндаля. – С этими словами он извлек из-за пазухи листок бумаги и протянул его Тоути. – Мне велено подождать, пока ты его не прочтешь.

Письмо после пребывания за пазухой было на ощупь теплым и сыроватым. Тоути сломал печать, отметил мимоходом, что на письме стоит сегодняшняя дата, и, усевшись на колоду для рубки дров, которая лежала у входа, приступил к чтению.

Дочитав послание Бьёндаля до последней строчки, он поднял глаза и обнаружил, что слуга сверлит его неотрывным взглядом.

– Ну? – осведомился тот, нетерпеливо вскинув брови.

– Прошу прощения?

– Что ты ответишь сислуманну? Мне недосуг торчать здесь весь день.

– Можно мне поговорить с отцом?

Курьер выразительно вздохнул:

– Говори, чего уж.

Отец был в бадстове⁴ – неспешно расправлял одеяла на своей постели.

– Что такое?

– Это от сислуманна.

Тоути протянул отцу распечатанное письмо и, терзаясь неуверенностью, стал ждать, когда тот все прочтет.

С бесстрастным видом отец сложил письмо и вернул его Тоути, так и не сказав ни единого слова.

– Что я должен ответить? – наконец спросил Тоути.

– Тебе решать.

– Я не знаю эту женщину.

– Не знаешь.

– Она не из нашего прихода.

– Не из нашего.

⁴ Бадстова – главное жилое помещение в традиционном исландском доме.

– Почему она попросила назначить именно меня? Я всего лишь младший проповедник. Отец снова принялся расправлять одеяла.

– Возможно, тебе следует обратиться с этим вопросом к ней самой.

Курьер сидел на колоде и ножом вычищал грязь из-под ногтей.

– Ну и что? Какой ответ я должен передать сислуманну от младшего проповедника?

Тоути ответил прежде, чем успел осознать собственное решение:

– Передай Блэндалю, что я встречаюсь с Агнес Магнусдоттир.

Глаза курьера округлились:

– Так письмо насчет *этого* дела?

– Я буду ее духовным наставником.

Слуга уставился на Тоути, открыв рот, затем вдруг расхохотался.

– Силы небесные, – пробормотал он. – Посылают мышонка кошку умирять.

С этими словами курьер вскочил на коня и через минуту скрылся за волнистыми очертаниями холмов, а Тоути так и остался стоять, держа письмо на отлете, словно боялся, что оно вот-вот вспыхнет огнем.

* * *

Стейна Йоунсдоттир складывала сушеный навоз во дворе дернового дома, который принадлежал ее семье, когда услышала стремительную дробь конских копыт. Стряхнув с юбок комья грязи, Стейна поднялась и выглянула из-за угла дома, откуда лучше был виден тракт, проходивший по долине. По тракту скакал, приближаясь, всадник в ярко-красном мундире. Когда он повернул к хутору, Стейна вдруг осознала, что именно ей предстоит встречать гостя. Борясь с паникой, охватившей ее при этой мысли, она метнулась за дом, торопливо поплевала на грязные ладони и вытерла нос рукавом. Когда она вернулась во двор, всадник уже ждал ее.

– Добрый день, барышня. – Приезжий окинул озадаченным взглядом испачканные юбки Стейны. – Вижу, я отвлек тебя от трудов.

Стейна во все глаза смотрела, как он спешил, ловко перекинув ногу через седло. И приземлился с непринужденным изяществом, неожиданным для человека такой крупной комплекции.

– Ты знаешь, кто я такой? – осведомился он, глядя на Стейну в ожидании подтверждения. Девушка помотала головой.

– Я – сислуманн Бьёрн Аудунссон Блэндаль.

С этими словами приезжий одарил Стейну едва заметным кивком и оправил мундир. Стейна заметила, что мундир у него с серебряными пуговицами.

– Вы из Хваммура, – пробормотала она.

Блэндаль терпеливо улыбнулся.

– Да. Я надзираю за службой твоего отца. Собственно, я приехал поговорить с ним.

– Отца нет дома.

Блэндаль нахмурился:

– А твоя мать?

– Они оба отправились по делам на юг долины.

– Понимаю.

Блэндаль пристально взглянул на девушку, и та неловко поежилась и отвела взгляд, устремив его на дальние поля. Лицо у нее было бледное, только лоб и нос покрывала россыпь мелких веснушек. Широко поставленные карие глаза, меж передних зубов – внушительная щель. Несуразная девица, подумал Блэндаль. И отметил черные полосы грязи у нее под ногтями.

– Придется вам приехать в другой раз, – наконец заявила Стейна.

Блэндаль замер.

– Могу я по крайней мере войти в дом?

– Ага. Если хотите. Коня можно привязать здесь.

Стейна прикусила губу, глядя, как Блэндаль наматывает поводья на столбик во дворе, затем развернулась и почти бегом скрылась в доме.

Гость последовал за ней, согнувшись в три погибели под низкой притолокой.

– Твой отец вернется сегодня?

– Нет, – кратко ответила она.

– Как неудачно, – посетовал Блэндаль, кое-как пробираясь по темному коридору вслед за Стейной в бадстову. С тех пор как его назначили на должность сислуманна, он заметно раздобыл и привык к более просторному, выстроенному из привозных бревен жилищу, которое сислуманну с семейством выделили в Хваммуре. Он брезговал крестьянскими лачугами и хуторскими домами – тесными комнатухами, дерновые стены которых исторгали летом клубы пыли, что вызывала у него надрывной кашель.

– Сислуманн...

– *Господин* сислуманн.

– Прошу прощения. Мама и *пабби*⁵, то есть я хотела сказать, Маргрет и Йоун вернутся завтра. Или послезавтра. Смотря по погоде.

Стейна указала на ближний конец узкой комнаты, которую занавеска из серой шерсти разделяла на собственно бадстову и крохотную гостиную.

– Посидите тут, – сказала она, – а я схожу за сестрой.

Лауга Йоунсдоттир, младшая сестра Стейны, полола скудный огород чуть поодаль от дома. Согнувшись в три погибели над грядками, она не заметила прибытия сислуманна, однако голос сестры услышала задолго до того, как та появилась в поле зрения.

– Лауга, ты где? Лауга!

Лауга выпрямилась и вытерла о фартук испачканные землей руки. Она не стала кричать в ответ, но терпеливо дождалась, пока Стейна, что бежала, путаясь в длинных юбках, наконец заметит сестру.

– Я тебя обыскала! – выкрикнула Стейна, переводя дух.

– Боже милостивый, да что же такое стряслось?

– К нам приехал сислуманн!

– Какой еще сислуманн?

– Блэндаль!

Лауга ошеломленно воззрилась на сестру:

– Сислуманн Бьёрн Блэндаль? Вытри нос, Стейна, у тебя сопли текут.

– Он сидит в гостиной.

– Где?

– Ну там, знаешь, за занавеской.

– Ты оставила его там *одного*? – У Лауги округлились глаза.

Стейна скривилась.

– Пожалуйста, пойдди поговори с ним.

Лауга обожгла сестру гневным взглядом, поспешно развязала тесемки грязного фартука и бросила его возле любистока.

– Ей-же-богу, Стейна, я иногда и представить себе не могу, что творится в твоей голове, – ворчала она, торопливо шагая рядом с сестрой к дому. – Бросить такого гостя, как Блэндаль, томиться от скуки в нашей бадстове!

⁵ Папа (*исл.*).

– В гостиной.

– Да какая разница! Да еще, могу поспорить, угостила его сывороткой, которую пьют только слуги!

Стейна обернулась к сестре, и на лице ее отразился неподдельный испуг.

– Я его вообще ничем не угощала.

– Стейна! – Лауга перешла с быстрого шага на бег. – Он решит, что мы – деревенщина!

Стейна смотрела вслед сестре, спотыкавшейся на бегу о травяные кочки.

– А мы и есть деревенщина, – пробормотала она.

Лауга проворно умылась и выхватила новый фартук у Кристин, батрачки, которая при звуках незнакомого голоса укрылась в кухне. Сислуманн сидел в гостиной у дощатого столика, в который раз пробегая глазами листок бумаги. Извинившись за невежливость сестры, Лауга предложила ему холодной рубленой баранины, и он принял угощение охотно, хотя и с несколько оскорбленным видом. Пока он ел, Лауга безмолвно стояла рядом, глядя, как мясистые губы сислуманна основательно обхватывают каждый ломтик баранины. Быть может, пабби, ныне окружной офицер, получит повышение. Быть может, ему выдадут мундир или назначат содержание от датской короны. У них будут новые платья. Новый дом. Больше слуг.

Блэндаль уже скреб ножом по тарелке.

– Может быть, господин сислуманн желает скиру⁶ и сливок? – спросила Лауга, забирая у него опустевшую тарелку.

Блэндаль вскинул было руки перед собой, словно намереваясь отклонить ее предложение, но остановился.

– Гм, пожалуй, что да. Благодарю.

Лауга порозовела и повернулась, чтобы принести мягкого сыру.

– И я не отказался бы от кофе, – бросил вслед сислуманн, когда она уже скрылась за занавеской.

– Что ему здесь нужно? – спросила Стейна, сидевшая съезжившись в кухне у очага. – Я ничего не могу расслышать, кроме твоего топота туда-сюда по коридору.

Лауга сунула ей грязную тарелку.

– Он пока еще ничего не сказал. Сейчас он хочет *скиру* и кофе.

Стейна глянула на Кристин, та закатила глаза.

– У нас нет кофе, – тихо сказала Стейна.

– Да есть же, я сама на прошлой неделе видела в кладовой.

Сестра замялась.

– Я... я его выпила.

– Стейна! Кофе не для нас! Мы сохраняем его для особых случаев!

– Каких еще случаев? Не припомню, чтоб чиновники заезжали к нам в гости.

– Он *сислуманн*, Стейна!

– Слуги скоро вернутся из Рейкьявика. Может, они привезут еще кофе.

– Это будет потом, а сейчас-то нам что делать? – Раздраженная Лауга отпихнула Кристин в сторону кладовки. – Скир и сливки! Живей!

– Я просто хотела узнать, каков он на вкус, – некстати пояснила Стейна.

– Теперь уже ничего не поделаешь. Отнеси сислуманну вместо кофе свежего молока. Хотя нет, пускай отнесет Кристин. Ты чумазая, точно лошадь, вываливавшаяся в грязи.

С этими словами Лауга метнула убийственный взгляд на юбки Стейны, выпачканные навозом, и стремительно вышла в коридор.

Блэндаль ждал ее возвращения.

⁶ Скир – исландская разновидность творога.

– Ты, барышня, должно быть, ломаешь голову, по какой причине я нанес визит вашей семье.

– Меня зовут Сигурлауг. Или просто Лауга, если вам угодно.

– Угодно. Сигурлауг.

– У вас, верно, какое-то дело к моему отцу? Он...

– Уехал на юг, знаю. Мне сообщила об этом твоя сестра и... да вот и она сама.

Лауга обернулась и увидела, что из-за занавески вынырнула Стейна. В одной грязной руке она несла скир, сливки и ягоды, в другой – молоко. Край занавески коснулся поверхности скира, и Лауга гневно сверкнула глазами. По счастью, сислуманн этой промашки не заметил.

– Сударь, – промямлила Стейна. Она поставила миску и чашку на стол перед сислуманном и сделала неуклюжий книксен. – На здоровье вам, сударь.

– Благодарю, – ответил Блэндаль. Оценивающе принялся к скиру, а затем поднял взгляд на сестер и скупно улыбнулся: – И которая же из вас старшая?

Лауга толкнула локтем Стейну – отвечай, мол, – но та молчала, глаза с разинутым ртом на ослепительно алый мундир гостя.

– Я – младшая, – сказала наконец Лауга и улыбнулась, чтобы показать ямочки на щеках. – Стейнвор старше меня на год. В этом месяце ей исполняется двадцать один.

– Все зовут меня Стейна.

– Вы обе очень хорошенькие, – заметил Блэндаль.

– Благодарю, сударь. – И Лауга снова подтолкнула локтем сестру.

– Спасибо, – пробормотала Стейна.

– Обе унаследовали от отца светлые волосы, но у тебя, я вижу, – он кивком указал на Лаугу, – глаза голубые, как у матери.

С этими словами сислуманн отодвинул в ее сторону миску, к которой так и не притронулся, и взял со стола чашку с молоком. Принялся к нему – и тут же отставил обратно.

– Поешьте, сударь, – проговорила Лауга, жестом показав на миску.

– Благодарю, но я вдруг почувствовал себя совершенно сытым. – Блэндаль сунул руку в карман. – Что ж, я предпочел бы обсудить причину своего визита с хозяином дома, но, поскольку окружной староста Йоун отсутствует, а дело не может ждать его возвращения, вижу, я вынужден рассказать обо всем его дочерям.

Он достал лист бумаги и развернул его на столе, дабы сестры могли прочесть, что там написано.

– Полагаю, вам известно о происшествии, которое случилось в минувшем году в Идлу-гастадире?

Стейну передернуло.

– Вы про убийство?

Лауга кивнула, ее голубые глаза посерьезнели.

– Суд проходил в вашем доме.

Блэндаль склонил голову:

– Именно так. Убийство Натана Кетильссона, травника, и Пьетура Йоунссона. Поскольку эта прискорбная и в высшей степени ужасная трагедия произошла в округе Хунаватн, в мои обязанности входило совместно с судьей и Земельным судом в Рейкьявике принять решение относительно участия подозреваемых.

Лауга взяла листок бумаги и отошла к окну, чтобы при свете дня прочесть, что там написано.

– Стало быть, дело закончено.

– Напротив. Действительно, трое подозреваемых еще в октябре прошлого года были признаны виновными как в убийстве, так и в поджоге – судом этой страны. Но теперь дело передано в Верховный суд в Копенгагене, столице Дании. Король... – тут Блэндаль сделал паузу

для вящего эффекта, – король лично должен узнать о совершенном преступлении и утвердить *мой* первоначальный приговор о казни преступников. Как ты сама можешь прочесть, все трое приговорены к отсечению головы. Сие есть торжество правосудия, и я уверен, что ты с этим согласишься.

Лауга рассеянно кивнула, не отрываясь от чтения.

– Так их не отправят в Данию?

Блэндаль, усмехнувшись, откинулся на спинку деревянного стула, оторвав от пола подошвы сапог.

– Нет.

Лауга подняла на него озадаченный взгляд:

– Но тогда, сударь, простите мое невежество, где же они будут...

Голос ее пресекался.

Блэндаль со скрипом отодвинул стул, поднялся и встал у окна рядом с Лаугой, намеренно не замечая присутствия Стейны. Поглядел в окно, затянутое сушеным овечьим пузырем, и заметил на его тусклой поверхности крохотную жилку. Блэндала передернуло. Окна его дома были стеклянные.

– Преступники будут казнены здесь, – наконец сказал он. – В Исландии. Если быть точным – на севере Исландии. Я и судья, который вел процесс в Рейкьявике, решили, что так будет... – Он замялся, подбирая подходящее слово: —...Дешевле.

– В самом деле?

Блэндаль сурово глянул на Стейну, которая сверлила его подозрительным взглядом. Протянув руку, она выхватила листок у Лауги.

– Именно так. Хотя не стану отрицать, что публичная казнь также позволяет наглядно показать нашим соотечественникам, какова бывает расплата за тяжкое преступление. Тут надобно действовать с умом. Ты ведь знаешь, умница Сигурлауг, что преступников такого сорта, как правило, отсылают в Данию, где в достатке имеются тюрьмы и все такое прочее. Поскольку было решено, что этих троих казнят в Исландии, в том самом округе, где они совершили преступление, нам необходимо место для содержания их под стражей вплоть до того, как будут согласованы время и место казни.

Как тебе известно, у нас в Хунаватне нет помещений, где можно было бы держать заключенных. – Блэндаль развернулся и вновь опустился на стул. – Поэтому я решил, что их следует разместить на хуторах. В жилищах праведных христиан, которые добрым примером побудили бы их к раскаянию и на благо которых преступники трудились бы до тех пор, пока приговор не будет приведен в исполнение.

С этими словами Блэндаль подался к Стейне – она так и застыла по другую сторону стола, одной рукой зажав рот, а в другой стискивая листок бумаги.

– Исландцев – представителей власти, – продолжил он, – которые, разместив у себя этих людей, тем самым исполняют свой долг.

Лауга ошеломленно смотрела на сислуманна.

– Разве их нельзя содержать где-нибудь в Рейкьявике? – пролепетала она.

– Нет уж. – Блэндаль подкрепил свой ответ категорическим взмахом руки. – Это будет слишком дорого.

Глаза Стейны недобро сузились.

– И вы хотите поселить их *здесь*? У нас дома? Только потому, что суду в Рейкьявике неохота тратить на то, чтобы отправить их за море?

– Стейна! – предостерегающе одернула Лауга.

– Ваша семья получит возмещение за хлопоты, – нахмурясь, сообщил Блэндаль.

– И что нам прикажете с ними делать? Приковывать цепями к ножкам кроватей?

Блэндаль медленно выпрямился во весь рост.

– У меня нет выбора, – промолвил он, и голос его зазвучал вдруг угрожающе. – Ваш отец – представитель власти и обязан исполнять свой долг. Уверен, он не станет оспаривать мое решение. В Корнсау не хватает рабочих рук, поэтому вы едва сводите концы с концами. – Он шагнул вплотную к Стейне, глядя сверху вниз в полумраке гостиной на ее замурзанное неказистое личико. – Кроме того, Стейнвор, я не стану слишком обременять вас, требуя взять под свою опеку всех троих заключенных. На вашу долю достанется только одна из женщин. – Блэндаль положил тяжелую руку на плечо Стейны, словно и не заметив, как та съежилась. – Ты ведь не боишься женщин, верно?

Когда сислуманн отбыл, Стейна вернулась в гостиную и взяла со стола миску со скиром, к которому гость так и не притронулся. Верхний слой скира загустел, свернувшись по краям миски. Стейну затрясло от бессильного бешенства, она в ярости грохнула миску на стол и прикусила губу. Она еще долго стояла, полнясь беззвучным криком и борясь с желанием разбить миску вдребезги. И лишь когда накотивший гнев отхлынул, вернулась в кухню.

* * *

Порой мне начинает казаться, что я уже мертва. Нельзя назвать жизнью это прозябание в темноте, в безмолвии, в клетушке настолько убогой и неопрятной, что я уже позабыла, каков на вкус свежий воздух. Ночная посуда уже полна и потечет через край, если только кто-нибудь вскоре не явится ее опорожнить.

Когда ко мне приходили в последний раз? Сутки давно уже слились в одну бесконечную ночь.

Зимой было лучше. Зимой обитатели Стоура-Борга были такими же узниками, как я; когда над хутором бесновался буран, все мы теснились в бадстове. В дневное время жгли лампы, а когда кончался запас масла, темноту разгоняло пламя свечей. Потом пришла весна, и меня переселили в кладовую. Оставили одну, без света, и нечем было измерять прошедшие часы, и не было способа отличить день от ночи. На руках моих кандалы, вокруг грязный земляной пол, в углу разобранный ткацкий станок да старое сломанное веретено.

Быть может, там, снаружи, уже лето. Я слышу шаги слуг, снующих по коридору, слышу скрип двери, которая открывается, пропуская их то наружу, то внутрь. Иногда сюда доносится визгливый хохот служанок, собравшихся посплетничать в коридоре, и тогда я понимаю, что непогода отступила и ветер утратил свой неистовый пыл. И я закрываю глаза, представляя себе долину в долгие летние дни, солнце, которое прогревает землю до тех пор, покуда на озеро не слетятся лебеди и облака не отхлынут, обнажив небесную высь – такую ясную, ослепительную синеву, что слезы сами наворачиваются на глаза.

* * *

Через три дня после того, как Бьёрн Блэндаль нанес визит сестрам в Корнсау, их отец, староста Ватнсдалюра Йоун Йоунссон, и его жена Маргрет двинулись в обратный путь домой.

Йоун, жилистый и чуть сутулый мужчина пятидесяти с лишним лет, со светлыми, почти белыми волосами и большими ушами, которые придавали ему простоватый вид, вел лошадь в поводу, с привычной легкостью перешагивая через бугры и кочки. Его жена, сидевшая верхом на вороной кобылке, была донельзя изнурена долгой дорогой, хотя ни за что на свете не призналась бы в этом. Она ехала, вздернув подбородок, высоко держа голову на тощей шее. Глаза Маргрет, полуприкрытые тяжелыми веками, зорко вглядывались в проплывавшие мимо крохотные усадьбы, которых в долине Ватнсдалюр было несчетно, и закрывались, лишь когда на нее нападал кашель. После приступа Маргрет всякий раз наклонялась вбок, чтобы сплюнуть мокроту, а затем вытирала рот уголком платка, бормоча краткую молитву. Муж, когда она это

проделывала, иногда поворачивал голову к жене, как будто опасался, что Маргрет может свалиться с лошади. Более ничто не нарушало монотонности их путешествия.

Сейчас как раз миновал очередной приступ изнурительного кашля. Маргрет сплюнула в траву и прижала ладонь к груди, силясь перевести дух. Голос ее, когда она заговорила, казался севшим и хриплым:

– Гляди-ка, Йоун, в Асе завели вторую корову.

– А? – рассеянно отозвался муж, целиком погруженный в свои мысли.

– Я сказала, – Маргрет снова кашлянула, прочищая горло, – что в Асе завели вторую корову.

– Правда?

– Странно, что ты сам этого не заметил.

– Ага.

Маргрет сощурилась, вглядываясь в пыльный свет, и различила далеко впереди подворье Корнсау.

– Скоро дома будем.

Муж что-то буркнул, соглашаясь.

– Стоит задуматься, а, Йоун? Еще одна корова и нам бы не помешала.

– Нам бы много чего не помешало.

– Но вторая корова пришлась бы очень кстати. Больше масла. Мы смогли бы позволить себе нанять на сбор урожая лишнюю пару рук.

– Все будет, Маргрет, любовь моя. Со временем.

– Только я до этого времени не доживу.

Эти слова прозвучали резче, чем ей хотелось. Йоун ничего не ответил, только принялся вполголоса подгонять лошадь, и Маргрет сердито воззрилась на его затылок, прикрытый дорожной шляпой, всей душой желая, чтобы он обернулся. Видя, что муж шагает дальше как ни в чем не бывало, она сделала глубокий вдох и снова стала жадно всматриваться в далекие очертания Корнсау.

Близился вечер, и дневной свет над сенокосами угасал, меркнул под натиском собиравшихся на востоке низких туч. Проплешины застарелого снега на склонах гор то казались тусклыми и серыми, то, стоило тучам чуть разомкнуться, вспыхивали ослепительной белизной. Перелетные птицы носились над лугами, охотясь на жужжащих над травой насекомых, и жалобно блеяли овцы, которых мальчишки гнали с пастбищ к хуторам.

Лауга и Стейна отправились набрать воды в горном ручье. Лауга жмурилась на солнце, протирая глаза, Стейна шагала отрешенно. Сестры не разговаривали.

В последние дни они трудились в полном молчании, обращая друг к другу только для того, чтобы попросить лопату или уточнить, какой бочонок с селедкой следует открывать в первую очередь. Молчание, разделившее их после ссоры, которая случилась вслед за отъездом сислуманна, было пронизано гневом и тревогой. Сестры старались как можно меньше говорить друг с другом, и эти старания совершенно измучили их обеих. Лауга, раздраженная упрямством и неотесанностью старшей сестры, все время думала о том, что же скажут родители, узнав о визите Блэндаля. Поняв, чего ради он приехал, Стейна повела себя на редкость грубо, а такое поведение могло навлечь неприятности на всю их семью. Блэндаль – человек влиятельный, и вряд ли ему пришлась по вкусу беспардонная выходка хуторской девицы. Разве Стейна забыла, насколько их семья зависит от благосклонности этого человека?

А Стейна изо всех сил старалась не думать о навязанной им убийце. От одной только мысли о том убийстве ее бросало в дрожь, а стоило вспомнить, с какой бесцеремонностью сислуманн навязал им преступницу, как в глазах темнело от бешенства. И не младшей сестре

учить Стейну, как себя вести. Откуда Лауге знать все тонкости светского обращения с толстыми господами в красных мундирах? Нет уж, лучше гнать все эти мысли из головы.

Стейна поставила наземь оттянувшее руку ведро и зевнула во весь рот. Лауга, шедшая рядом, тоже не удержалась от зевка. Взгляды сестер встретились, и на долю секунды их объединило общее чувство усталости. Затем Лауга буркнула, что не худо бы прикрывать рот, когда зеваешь, и Стейна, насупившись, со злостью уставилась себе под ноги.

Они шли к ручью, и послеполуденное солнце омывало их лица невесомым ласковым теплом. Ветра не было вовсе, и в долине царила такая тишь, что сестры замедлили шаг, неосознанно подстраиваясь под эту сонную неподвижность. Они приближались уже к скальной гряде, тянувшейся вдоль ручья, когда Лауга, повернувшись, чтобы высвободить подол, зацепившийся за колючий куст, заметила вдали конский силуэт.

– Ой! – вскрикнула она.

Стейна обернулась:

– Что такое?

Лауга указала на лошадь.

– Это мама и пабби! – задыхаясь, вымолвила она. – Вернулись!

Лауга прищурилась, силясь различить подробности в знойном мареве над лугами.

– Да, это они, – пробормотала она, словно обращаясь к себе самой. И, охваченная внезапным возбуждением, сунула свое ведро Стейне и махнула рукой в сторону ручья: иди, мол. – Набери воды. Ты ведь унесешь оба ведра, правда? Будет лучше, если я... я... вернусь. Чтобы развести огонь.

С этими словами Лауга подтолкнула Стейну – резче, чем намеревалась, – и, круто развернувшись, побежала прочь.

Шипы побегов ежевики цеплялись за чулки Лауги, но она опрометью неслась к подворью, вне себя от безмерного облегчения. Теперь пабби сам разберется и с сислуманном, и с Агнес Магнусдоттир!

Распахнув настежь входную дверь, Лауга пробежала по коридору и свернула налево, в кухню. В отсутствие хозяйки Кристин отпросилась после обеда, чтобы навестить своих родных, но в очаге, по счастью, до сих пор дымились утренние уголья. Лауга проворно навалила поверх них сушеного навоза, едва не загасив с трудом раздутые язычки пламени. Как отнесется отец к известию о визите сислуманна? Долго ли узнице предстоит пробыть в Корнсау? У Лауги даже не осталось письма, которое показал ей сислуманн: Стейна во время ссоры швырнула его в огонь.

И все же, думала Лауга, подвешивая котелок на крюк над пламенем, все же, едва только пабби обо всем узнает, он возьмет дело в свои руки.

Она раздула огонь в очаге, качнув мехи, и, проворно пробежав по коридору назад, к входной двери, высунула голову наружу. И снова ощутила паническую дрожь. Взять-то он возьмет, но вот как поступит? Лауга отшатнулась от двери и поспешила в кладовую – собрать, что найдется, для похлебки. Ячменя у них осталось совсем немного. Работники, которые отправились за покупками на юг, до сих пор еще не вернулись.

Лауга ступила в дверной проем, едва не запнувшись о высокий порог, и направилась в чулан, чтобы взять мяса для похлебки. Копченую ягнятину в это время года лучше не трогать, однако у них еще осталась с зимы пара ломтей кровяной колбасы – подкисшей, но вполне съедобной.

«Будем ужинать все вместе, – подумала Лауга, – в бадстове. Вот тогда-то я им все и скажу». И тут со двора донесся глухой перестук лошадиных копыт.

– *Comið þið sæl!* Будьте счастливы! – Лауга вынырнула из дома, отряхнула с рук крошки сухого кизяка и торопливо заправила выбившиеся пряди под чепчик. – С благополучным возвращением!

Йоун, ее отец, придержал лошадь и улыбнулся дочери из-под полей дорожной шляпы. Приветственно помахав свободной рукой, он шагнул вперед и добавил к приветствию отеческий поцелуй.

– Малышка Лауга! Как вы тут справлялись?

С этими словами Йоун повернулся к лошади и стал отвязывать от седла свертки.

– Здравствуй, мама.

Маргрет с высоты седла одарила дочь ласковым взглядом, хотя губы ее едва шевельнулись:

– Здравствуй, Сигурлауг.

– Ты хорошо выглядишь.

– Жива покуда, – отозвалась Маргрет.

– Устала?

Не ответив на вопрос, Маргрет неуклюже спустилась с лошади. Лауга застенчиво обняла мать, затем провела ладонью по носу кобылы, ощутила трепет ноздрей и жаркое тепло лошадиного дыхания.

– Где твоя сестра?

Лауга оглянулась на скалы, за которыми скрывался ручей, но не заметила там никакого движения.

– Пошла за водой для ужина.

Маргрет вскинула брови:

– Я-то думала, она тоже выйдет нас встречать.

Лауга вновь повернулась к отцу, который теперь складывал свертки на земле. И сделала глубокий вдох.

– Пабби, мне нужно будет попозже кое-что тебе рассказать.

Йоун начал распутывать жесткую веревку, которой свертки были приторочены к седлу.

– Кто-то пал?

– Что?

– Я имею в виду нашу скотину.

– Ох, нет, нет, ничего подобного! – воскликнула Лауга и, спохватившись, добавила: – Слава богу!

Она шагнула вплотную к отцу и, понизив голос, проговорила:

– Наверное, мне следует рассказать тебе об этом с глазу на глаз.

Эта фраза не ускользнула от слуха матери.

– Лауга, все, что ты собираешься рассказать, можем выслушать мы оба.

– Но, мама, я не хочу тебя волновать.

– Ничего, мне не привыкать волноваться, – заметила Маргрет и вдруг улыбнулась. – Что ж поделать, коли вечно приходится приглядывать за детьми и слугами.

С этими словами она велела мужу позаботиться, чтобы оставшийся груз случайно не угодил в лужу, прихватила пару свертков с собой и направилась в дом. Лауга последовала за ней.

К тому времени, когда Лауга принесла миски с похлебкой, Йоун уже вошел в бадстову и устроился рядом с женой.

– Я подумала, что вам приятно будет поесть горячего, – сказала Лауга.

Йоун взглянул на дочь, которая стояла перед ним с подносом в руках.

– Можно мне вначале переодеться?

Лауга поколебалась, поставила поднос на кровати возле матери и, опустившись на колени, принялась распутывать завязки на башмаках Йоуна.

– Мне нужно вам кое о чем рассказать.

– Где Кристин? – резко спросила Маргрьет.

Ее муж откинулся назад, опершись на локти и предоставив дочери стягивать с его ноги отсыревший чулок.

– Стейна отпустила ее после обеда, – ответила Лауга.

– А где сама Стейна?

– Ох, да не знаю я. Где-то бродит. – Лауга похолодела, чувствуя на себе пристальные взгляды родителей. – Пабби, – прошептала она, – когда тебя не было, к нам заезжал сислуманн Блёндаль.

Йоун сел прямее и поглядел на дочь.

– Сислуманн? – эхом повторил он.

Маргрьет стиснула кулаки.

– Что ему было нужно? – осведомилась она.

– Пабби, он привез для тебя письмо.

Маргрьет остановила на Лауге пронзительный взгляд.

– Почему он не послал слугу? Ты уверена, что это был именно Блёндаль?

– Мама!

Йоун хранил молчание.

– Где это письмо? – наконец спросил он.

Лауга стянула башмак с другой его ноги и уронила на пол. От башмака с отчетливым стуком отскочил ком засохшей грязи.

– Стейна сожгла его.

– С какой стати? Боже милостивый!

– Мама! Ничего страшного. Я знаю, что было в том письме. Пабби, нам придется...

– Пабби! – прозвучал из коридора громкий голос Стейны. – Ты представить не можешь, кого нам велено держать у себя под замком!

– Под замком? – Маргрьет стремительно развернулась к старшей дочери, которая вихрем ворвалась в бадстову. – Стейна, да ты вымокла до нитки!

Стейна мельком глянула на свой фартук, промокший насквозь, и пожала плечами.

– Я уронила ведра. Пришлось вернуться и снова набрать воды. Пабби, Блёндаль принуждает нас содержать здесь, *в нашем доме*, Агнес Магнусдоттир!

– Агнес Магнусдоттир?! – Маргрьет в ужасе перевела взгляд на Лаугу.

– Да, мама, ту самую убийцу! – воскликнула Стейна и, сняв мокрый фартук, легкомысленно бросила его на кровать. – Ту, что убила Натана Кетильссона!

– Стейна! Я как раз собиралась объяснить пабби...

– И Пьетура Йоунссона, мама!

– Стейна!

– Ой, Лауга, да ты просто хотела сама обо всем рассказать!

– А ты не смеешь перебивать и...

– Довольно! – Йоун резко встал, вскинул руки, жестом призывая их успокоиться. – Начни с самого начала, Лауга. Что произошло?

Лауга замялась, но потом изложила все, что могла вспомнить о визите сислуманна. Когда она пересказывала содержание письма, лицо ее залилось румянцем.

Еще не дослушав рассказа дочери, Йоун начал вновь одеваться.

– Да ведь мы вовсе не обязаны это делать! – Маргрьет дернула мужа за рукав, но Йоун в ответ лишь пожал плечами, стараясь не смотреть на ее растерянное лицо. – Йоун, – прошептала Маргрьет. И окинула взглядом дочерей – те сидели, сложив руки на коленях, и молчали, не сводя глаз с отца и матери.

Йоун надел башмаки, с силой захлестнув завязки вокруг лодыжек, и затянул так туго, что тюленья кожа протестующе скрипнула.

– Йоун, уже вечер, – проговорила Маргрет. – Ты что, собрался в Хваммур? Да там к твоему приезду уже все лягут спать.

– Значит, я их разбужу.

С этими словами Йоун сдернул с гвоздя дорожную шляпу, взял жену за плечи и ласково, но решительно отодвинул с дороги. Прощально кивнув дочерям, он широким шагом вышел из комнаты, протопал по коридору и с грохотом захлопнул за собой входную дверь.

– Мама, что нам теперь делать? – донесся из темного угла тихой голосок Лауги.

Маргрет закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Йоун воротился в Корнсау несколько часов спустя. Вернувшаяся из отлучки Кристин получила изрядную взбучку от Маргрет и теперь с упреком косилась на Стейну. Маргрет замерла над вязаньем, раздумывая, не попытаться ли помирить дочерей, когда со скрипом распахнулась входная дверь и миг спустя по коридору загремели мужнины шаги.

Едва войдя, Йоун взглянул на жену. Маргрет стиснула зубы.

– Ну что? – спросила она, подталкивая мужа к его кровати.

Йоун возился с завязками на башмаках.

– Ну же, пабби! – выпалила Лауга, проворно опустившись на колени. – Что сказал Блэндаль? – Она резко откинулась назад, стягивая башмаки с отца. – Эту женщину все-таки привезут сюда?

Йоун кивнул.

– Все, как ты и говорила, Лауга. Агнес Магнусдоттир заберут из Стоура-Борга, где она содержится сейчас, и перевезут к нам.

– Но почему, пабби? – тихо спросила Лауга. – Чем мы провинились?

– Ничем. Я – окружной староста. Эту женщину нельзя разместить в первой попавшейся семье. За нее несут ответственность власти, а я – их представитель.

– В Стоура-Борге как раз полным-полно представителей властей, – едко заметила Маргрет.

– И все же ее необходимо переселить. Там было одно... происшествие.

– Что случилось? – спросила Лауга.

Йоун поглядел сверху вниз в ясное личико своей младшей дочери.

– Уверен, что ничего страшного, – наконец сказал он.

У Маргрет вырвался горький смешок.

– Стало быть, мы смиренно примем эту обузу? Как побитые шавки? – Голос ее упал до свистящего шепота. – Йоун, эта Агнес – *убийца*! У нас дочери, работники... даже Кристин! Мы в ответе за них!

Йоун одарил жену многозначительным взглядом.

– Маргрет, Блэндаль намерен возместить нам хлопоты. За ее содержание полагается оплата.

Маргрет молчала. Когда она наконец заговорила, в ее голосе уже не было прежней воинственности:

– Быть может, нам следует на время отправить девочек из Корнсау.

– Мама, нет! Я не хочу никуда уезжать! – крикнула Стейна.

– Только ради вашей безопасности.

Йоун откашлялся.

– С тобой, Маргрет, девочкам ничего не грозит. – Он вздохнул. – Есть еще кое-что. В тот вечер, когда эту женщину привезут сюда, я по приказу Блэндала должен быть в Хваммуре.

У Маргрет отвисла челюсть.

– Ты хочешь сказать, что ее должна буду принимать я?

– Пабби, ты не можешь бросить маму одну с этой женщиной! – воскликнула Лауга.

– Почему же одну? Здесь будете все вы. Будут офицеры из Стоура-Борга и преподобный. Блэндаль уже все устроил.

– И что же такое важное будет в Хваммуре, если ты понадобился там Блэндалю в тот самый вечер, когда он придет в наш дом преступницу?

– Маргрет...

– Нет, я хочу знать! Это просто несправедливо.

– Мы должны будем обсудить, кто станет палачом.

– Палачом!

– Соберутся все старосты округа, в том числе и из Ватнснеса – те, что будут сопровождать людей из Стоура-Борга. Мы все переночуем в Хваммуре и на следующий день отправимся по домам.

– А я между тем останусь с глазу на глаз с женщиной, которая убила Натана Кетильссона. Йоун хладнокровно взглянул на жену:

– С тобой будут наши дочери.

Маргрет хотела еще что-то сказать, но передумала. Бросив на мужа уничтожающий взгляд, она схватилась за вязанье и ожесточенно заклацала спицами.

Стейна, из-под полуопущенных век наблюдавшая за отцом и матерью, взяла свою порцию похлебки и почувствовала, как подступает дурнота. Сжимая двумя руками деревянную миску, она разглядывала кусочки баранины, которые плавали в жирном бульоне. Медленно взяв ложку, Стейна выловила один кусочек, отправила в рот и принялась жевать. И тут же нащупала в нем внушительный хрящ, но, поборов искушение выплюнуть его, тщательно разжевала и проглотила, не сказав ни слова.

* * *

После того как было принято решение перевезти меня в Корнсау, люди из Стоура-Борга по вечерам связывают мне веревкой ноги, как спутывают коней, – желая убедиться, что я точно не сбегу. Сдается, с каждым новым днем они все больше видят во мне животное, неразумную скотину, которую следует покормить, чем Бог послал, и укрыть от непогоды. Они держат меня одну в темноте, лишают света и свежего воздуха, а когда нужно куда-то отвести, связывают меня и волокут, куда им угодно.

Здесь, в Стоура-Борге, со мной совсем не разговаривают. Зимой в бадстове я всегда отчетливо слышала шорох собственного дыхания и в конце концов стала бояться даже сглотнуть, чтобы этим громким звуком не привлечь всеобщего внимания. Единственное, что было слышно тогда в бадстове, – шуршание страниц Библии и перешептывания. Я угадывала по губам, что люди то и дело произносят мое имя, причем отнюдь не доброжелательно. Теперь, когда закон велит им зачитать мне вслух какое-нибудь письмо или объявление, они говорят так, словно обращаются к кому-то, стоящему у меня за спиной. И упорно не желают смотреть мне в глаза.

Ты, Агнес Магнусдоттир, признана виновной в соучастии в убийстве. Ты, Агнес Магнусдоттир, признана виновной в поджоге и преступном сговоре совершить убийство. Ты, Агнес Магнусдоттир, приговорена к смертной казни. Ты, Агнес. *Агнес.*

Они не знают меня.

Я молчу. Я исполнена решимости отрешиться от мира, закрыть сердце и держаться за то, что у меня пока еще не отняли. Я не могу допустить, чтобы эта частица меня исчезла бесследно. Я сохраняю то, что я есть, глубоко внутри, укрою в сомкнутых ладонях все, что видела, слышала и чувствовала. Стихи, которые слагались, покуда я стирала, косила и стряпала до кровавых мозолей. Саги, которые я знаю наизусть. Я тону, и все, что у меня осталось, погружается под воду вместе со мной. Если я заговорю, мои речи будут словно пузырьки воздуха. Люди не

сумеют запомнить и сохранить мои слова. Они будут видеть шлюху, сумасшедшую, убийцу, женщину, которая орошает кровью траву и хохочет набитым землей ртом. Они скажут «Агнес» – и увидят паучиху, ведьму, пойманную паутиной собственных роковых козней. Быть может, они увидят ягненка, окруженного хищными воронами, ягненка, который жалобным блеяньем зовет пропавшую мать. Однако *меня* они не увидят. *Меня* там не будет.

* * *

Преподобный Торвардур Йоунссон вздохнул, выйдя из церкви на сырой и зябкий предвечерний воздух. Всего лишь месяц с небольшим миновал с тех пор, как он принял предложение Блэндаля посещать приговоренную к смерти женщину, и с тех самых пор он ежедневно сомневался в правоте своего решения. Каждое утро он испытывал беспокойство, словно пробуждался от кошмарного сна. Каждый день, когда он направлялся пешком в небольшую церковь Брейдабоулстадура, чтобы там помолиться и посидеть в одиночестве, в груди у него возникал тугой тревожный комок, и все тело охватывала дрожь, точно плоть обессилела от смятения духа. Нынешний день ничем не отличался от прочих. Сидя на жесткой скамье и устремив взгляд на свои сложенные руки, Тоути поймал себя на том, что искренне хочет заболеть, тяжело заболеть, дабы обрести веский повод отказаться от поездки в Корнсау. Нежелание исполнять свой долг и готовность пожертвовать здоровьем, даром Господним, нешуточно испугали его.

«Теперь уже поздно, – говорил он себе, идя через чахлый садик на церковном дворе. – Ты дал слово человеку и Господу, и обратного пути нет».

Прежде, когда еще жива была мать Тоути, садик при церкви изобиловал крохотными цветочками, которые летом окружали могилы прихожан лиловой каймой. Мать говорила, что это усопшие колеблют лепестки цветов, приветствуя переживших зиму прихожан. После ее смерти, однако, отец вырвал с корнем все цветы, и с тех пор могилы прозябали в неприглядной наготе.

Дверь дома на хуторе Брейдабоулстадур была распахнута настежь. Тоути вошел в дом – и от душного жара, которым веяло из кухни, от запаха сальной свечи, горевшей в коридоре, его тотчас замутило.

Отец, склонившись над кипящим котелком, тыкал в него ножом.

– Думаю, мне пора отправляться, – объявил Тоути.

Отец поднял взгляд от варившейся в котелке рыбы и кивнул.

– Мне положено прибыть ранним вечером, чтобы познакомиться с семейством из Корнсау и присутствовать, когда... когда привезут преступницу.

Отец нахмурился.

– Так поезжай, сын.

Тоути заколебался.

– Ты думаешь, я готов?

Преподобный Йоун вздохнул и снял котелок с крюка над огнем.

– Тебе лучше знать собственное сердце.

– Я молился в церкви. Хотелось бы мне знать, что подумала бы обо всем этом мама.

Отец Тоути медленно сморгнул и отвернулся.

– А *ты* что думаешь, отец?

– Мужчина должен быть верен своему слову.

– Но это правильное решение? Я... я не хотел бы вызвать твое неудовольствие.

– Лучше стремись избежать неудовольствия Господа, – пробормотал преподобный Йоун, пытаясь выудить ножом рыбину из котелка.

– Ты помолишься за меня, отец?

Тоути ждал ответа, но так и не дождался. Быть может, отец считает себя более достойным духовным наставником для убийц. Может быть, завидует, что она выбрала именно Тоути. Он смотрел, как отец слизывает с ножа приставший к лезвию кусочек рыбы. «Она выбрала *меня*», – мысленно повторил он.

– Не буди меня, когда вернешься! – крикнул преподобный Йоун сыну вслед, когда тот повернулся и вышел из комнаты.

Тоути надел и укрепил на лошади седло, затем не без труда взобрался на нее.

– Вот, стало быть, как, – прошептал он едва слышно. Легонько сжал коленями бока лошади, побуждая ее двинуться с места, и оглянулся на дом. Струйка дыма из кухонной трубы таяла в мелкой предвечерней измороси.

Медленно продвигаясь по окружавшей церковь долине, заросшей высокими травами, младший проповедник пытался обдумать, что и как ему следует говорить. Должен ли он быть мягок и приветлив или же суров и неприступен, как Блэндаль? Покачиваясь в седле, он пробовал то одну, то другую интонацию, различные виды приветствий. Пожалуй, следует подождать, пока он не увидит эту женщину собственными глазами. Неожиданно Тоути охватил трепет. *Эта женщина* – самая заурядная служанка, к тому же еще и *убийца*. Она убила двоих мужчин. Зарезала, как скотину. Убийца, беззвучно повторил Тоути. *Mogðingi*. Слово выплеснулось изо рта, словно слишком горячее молоко.

Он ехал по северному полуострову, где на горизонте брезжила тонкая полоска моря, а тучи между тем начали рассеиваться, и тропу омыл багряный свет незакатного июньского солнца. Капли воды алмазами заискрились на земле, очертания холмов стали матово-розовыми, и тени скользили по их гребням, передвигаясь вместе с плывущими над головой облаками. Мошकारа толклась в воздухе и, попадая в полосы солнечного света, вспыхивала крохотными алыми искрами, а прохладный воздух долин наполнился сладким и влажным ароматом травы, уже почти готовой покорно лечь под взмахами косы. Страх, который так прочно стискивал когтями грудь Тоути, отступил, развеялся без следа, и молодой священник молча любовался раскинувшимся перед ним краем.

«Все мы дети Божьи, – думал он. – Эта женщина – моя сестра во Христе, и, будучи ее духовным братом, я должен вернуть ее в лоно семьи». Тоути улыбнулся и пустил лошадь тельтом⁷.

– Я спасу ее! – прошептал он.

⁷ Тельт (исл. tölt) – особый аллюр исландских лошадей, быстрый шаг или медленная рысь.

Глава 2

3 мая 1828 года

Ундирфедль, Ватнсдалюр

Обвиняемая Агнес Магнусдоттир родилась на хуторе Флага в приходе Ундирфедль в 1795 году. Конфирмовалась в 1809 году, и в том возрасте ее описывали как обладавшую «недюжинным умом, а также глубокими познаниями и пониманием христианства».

Так гласит запись в церковной книге прихода Ундирфедль.

II. Бьярнасон

МЕНЯ ВЫВЕЛИ ИЗ КЛАДОВОЙ и снова взяли в железа. На сей раз прислали судебного офицера, юнца с прыщавой кожей и кривой усмешкой. Это слуга из Хваммура, мне знакомо его лицо. Когда он открыл рот, я заметила, что у него гнилые зубы. Из рта у него дурно пахло – ну да чем я лучше? Я знаю, что от меня воняет. Я покрыта грязью и следами телесных выделений: крови, пота, кожного сала. Не могу припомнить, когда я в последний раз мылась. Волосы мои превратились в сальную паклю; я пыталась заплетать косы, но мне не давали лент, и я подозреваю, что в глазах офицера выгляжу сущей уродиной. Быть может, поэтому он усмехался, глядя на меня.

Он забрал меня из той омерзительной кладовой, а когда повел по неосвещенному коридору, к нам присоединились другие люди. Они молчали, но я чувствовала спиной их присутствие, чувствовала их взгляды, которые впивались в шею, словно ледяные безжалостные пальцы. А потом, после нескольких месяцев в душной клетушке, густо пропитанной моим смрадным дыханием и зловоньем ночного горшка, меня вывели из коридоров Стоура-Борга на раскисший слякотный двор. И там шел дождь.

Как я могу описать, что значит снова дышать полной грудью? Я словно родилась заново. Едва держась на ногах в море света, я жадно хватала ртом свежий соленый воздух. День клонился к вечеру, и его влажное дыхание омывало мое лицо. Душа моя возликовала в тот краткий миг, когда меня вывели наружу. Я упала на колени, распластав юбки в грязной луже, и запрокинула лицо к небу, словно в молитве. Видеть свет было таким безмерным счастьем, что я едва не разрыдалась.

Кто-то ухватил меня и рывком поднял на ноги – так выдергивают из земли незаконно выросший на грядке чертополох. Только тогда я и увидела толпу. Вначале я не поняла, чего ради собрались здесь все эти люди, все эти мужчины и женщины, что теперь стоят не шелохнутся, безмолвно сверля меня неотступными взглядами. Потом я поняла, что смотрят они так вовсе не на меня. *Меня* эти люди не видели. Я – это двое убитых мужчин, горящий хутор, нож... кровь.

Я не знала, как быть, как держать себя под этими взглядами. И тут увидела Роусу – она стояла поодаль, крепко сжимая ручонку своей маленькой дочери. Приятно было увидеть хотя бы одно знакомое лицо, и я помимо воли улыбнулась. Зря я это сделала. Толпа точно сорвалась с цепи. Лица служанок исказились, и тишину разорвал вдруг пронзительный детский вопль:

– *Fjandi!* Дьявол!

Вопль ударил в небо, точно струя из гейзера. И погасил мою улыбку.

Этот выкрик словно вывел толпу из оцепенения. Кто-то разразился визгливым смехом, какая-то старуха шикнула на ребенка и увела его прочь. За ними один за другим ушли все остальные, вернулись в дом, к своим повседневным делам, и я, окруженная старостами, оста-

лась стоять под дождем – в заскорузлых от пота чулках, с сердцем, рвущимся на части под кожей, покрытой коростой грязи. Оглянувшись, я увидела, что Роуса бесследно исчезла.

И вот теперь мы едем по северу Исландии, этого обширного острова, омываемого волнами, угрюмо покоящегося на лоне моря. Скачем через горы наперегонки с собственными тенями.

Меня привязали к седлу, точно покойницу, сопровождаемую к месту погребения. В глазах своих спутников я и есть покойница, которую ждет могила. Руки у меня скованы впереди. Зловещая наша кавалькада неумолимо скачет все дальше, кандалы впиваются в мою плоть, и я вижу, как на запястьях проступает кровь. Ожидание боли стало привычкой. Иные из тех, кто охранял меня в Стоура-Борге, мелочно издевались над моей плотью, словно запечатлевая на ней свидетельства своей ненависти: ссадины, синяки, россыпи кровоподтеков, исчерна-желтые желваки, тут и там вздувающие кожу. Полагаю, некоторые из этих людей знали Натана.

Но теперь меня везут на восток, и хоть я связана, словно ягненок, приготовленный на убой, но счастлива, что возвращаюсь в долины, где бесплодный камень уступает место траве, – пускай даже здесь мне предстоит умереть.

Кони скачут, пробираясь меж травяных кочек, а я гадаю, когда же меня убьют. Гадаю, где будут меня содержать, в каком погребке хранить, точно масло или копченое мясо. Словно труп – в ожидании тех дней, когда земля оттаяет, когда меня можно будет бросить, как камень, в могилу.

Мне таких вещей не говорят. Просто заковали в кандалы и ведут, куда надобно, и я повинуюсь, точно корова: посмеешь брыкаться – пойдешь под нож. Веревка на шею – и конец. Я опускаю голову, покорно следуя предназначенным путем и только надеюсь, что в конце его не могила, пока еще – не могила.

Меня донимают мухи. Они ползают по лицу, лезут в глаза, и я всей кожей чувствую щекотное касание их крохотных лапок и крылышек. Кандалы слишком тяжелы, чтобы отогнать мух. Эти железа предназначены для мужских рук, хотя и мои запястья стискивают так, что не шелохнешься.

И все же приятно хоть куда-то, но двигаться, ощущать ногами тепло лошадиного крупы; чувствовать прикосновение хоть чего-то живого и не мерзнуть, Боже, не мерзнуть. Я так долго прозябала в холоде, что леденящее дыхание зимы словно пропитало меня до мозга костей. Вечность, проведенная в темноте и взаперти, ненавидящие взгляды – одного этого достаточно, чтобы превратиться в ледышку. И даже когда в воздухе роятся полчища мух, лучше ехать куда угодно, чем заживо разлагаться в тесной кладовой, точно труп в гробу.

Помимо жужжания насекомых и размеренного перестука конских копыт мне слышен отдаленный гул. Быть может, то голос моря – мерный рокот волн, набегающих на пески Тингейрара. Или же мне это только чудится. Морю свойственно проникать в душу. Как говаривал Натан, стоит только раз подпустить его к себе – и ты от него уже никуда не денешься. Море, говорил он, как женщина. Изведет и не даст покоя.

То была первая моя весна в Идлугастадире. Она даже не наступила, но ворвалась в мир, словно загнанный, трепещущий от страха заяц. Море было пустынно – Натан греб, с силой погружая весла в его зыбкие бока, и лодка плавно скользила по серебрящейся глади.

– Тихо, как в церкви, – заметил он, усмехаясь. Мускулистые руки его напрягались, преодолевая сопротивление воды. Я слышала, как поскрипывает дерево, как мерно и приглушенно шлепают по воде весла. – Смотри, будь паинькой, когда я уеду.

Не думать о Натане.

Сколько мы уже едем – час, два? Время увертливо, словно кусок масла на горячей сковороде. А впрочем – вряд ли больше двух часов. Я знаю эти места. Знаю, что мы сейчас едем на юг, вероятно, в Ватнсдалюр. Странно, как при этой мысли сердце мое мгновенно сжимается

в груди. Давно ли была я здесь в последний раз? Пару лет назад? Больше? Все осталось таким, как прежде.

Я почти дома. Почти – потому что вернуться домой мне не суждено.

Мы проезжаем между незнакомых холмов у устья долины, и я слышу карканье воронов. Их черные силуэты словно зловещие знамения в ослепительной синеве неба. Все ночи, проведенные в Стоура-Борге, на сыром убогом ложе, я представляла себе, как брожу по Флаге под открытым небом и кормлю воронов. Жестокие птицы, но мудрые, а если живое существо нельзя любить за доброту и мягкость, отчего бы не любить его за мудрость? В детстве я часто наблюдала, как вороны собираются на крыше ундирфедльской церкви, и надеялась по их поведению понять, кто вскорости умрет. Сидя на стене, я ждала, когда кто-нибудь из воронов встопорщит перья и я увижу, в какую сторону повернут его клюв. Один раз это случилось. Ворон, усевшийся на деревянном коньке крыши, указал клювом на хутор Бакки – и в ту же неделю маленький мальчик из Бакки утонул в реке; труп его, распухший и посеревший, выловили ниже по течению. Ворон знал, что это случится.

Сигга ничегошеньки не знала о кошмарах и призраках. Как-то вечером, в Идлугастадире, когда мы сидели рядышком и вязали, с моря донесся пронзительный крик ворона, и от этого крика у нас кровь застыла в жилах. Я сказала ей, чтобы ночью нипочем не сзывала и не кормила воронов. Те, что каркают по ночам, сказала я, на самом деле не птицы, а призраки, и едва они завидят тебя, так тут же и убьют. Уверена, я не на шутку напугала ее, иначе она потом не сказала бы того, что сказала.

Знать бы, где сейчас Сигга. Почему ее не оставили со мной в Стоура-Борге? Как-то утром, когда я была в кандалах, ее увели прочь и даже не сказали мне куда, хотя я спрашивала об этом не единожды. «Подальше от тебя, – отвечали мне всякий раз, – и все тут».

– Агнес Магнусдоттир!

У человека, который скачет рядом со мной, на лице читается непреклонность.

– Агнес Магнусдоттир, уведомляю тебя, что до самой своей казни ты будешь содержаться на хуторе Корнсау. – Он что-то читает, поглядывая на перчатки. – Будучи преступницей, приговоренной судом этой страны, ты утратила право на свободу. – Он складывает листок бумаги и прячет его за отворотом перчатки. – И нечего смотреть волком, слышишь? Люди в Корнсау добрые.

Эй, парень! Вот тебе улыбка. Хороша? Видишь, как раздвинулись мои губы? Видишь мои зубы?

Он проезжает вперед, и я вижу, что рубашка у него на спине мокрая от пота. Из всех возможных мест выбрали именно Корнсау – неужели нарочно?

Еще вчера, когда я была заточена в кладовой Стоура-Борга, Корнсау показался бы мне раем небесным. Места, где прошло мое детство, сочная зелень травы, торфяные кочки, по весне пропитанные талой водой... Сейчас, однако, я понимаю, что меня ждет унижение. Люди, которые живут в долине, узнают меня. Вспомнят меня такой, какой я была когда-то: дитя, девочка, молодая женщина, кочующая с хутора на хутор... потом подумают об убийстве – и та девочка, та женщина исчезнет из их памяти. Мне невыносимо больно озираться по сторонам. Я утыкаюсь взглядом в лошадиную гриву, гляжу на вшей, что кишат в жестких волосах, и не знаю, чьи они – кобылы или мои собственные.

* * *

Преподобный Тоути стоял, ссутулясь, в низком дверном проеме и шурился от розоватого света полноточного солнца. На дальнем краю самого северного уголка Корнсау он различил силуэты приближающихся всадников. Тоути всматривался, пытаясь понять, есть ли среди них женщина. В золотом половодье травы все фигуры казались одинаково маленькими и черными.

Маргрьет переступила порог и остановилась за спиной у младшего проповедника.

– Надеюсь, хоть кого-нибудь оставят за ней присматривать, чтобы, упаси Бог, не перерезала нас во сне.

Тоути обернулся, взглянул на ее жесткое лицо. Маргрьет тоже шурилась, вглядываясь в далеких всадников, и лоб ее прорезали глубокие морщины. Седые волосы она заплела в две тугие косы, уложила венцом вокруг головы и надела свой лучший чепчик. И сменила засаленный фартук, в котором встречала Тоути нынешним вечером.

– Ваши дочери присоединятся к нам?

– Они с ног валяются от усталости. Я отправила обеих в постель. Не понимаю, с какой стати везти сюда эту злодейку посреди ночи!

– Думаю, для того чтобы не побеспокоить ваших соседей, – деликатно отозвался Тоути.

Маргрьет прикусила нижнюю губу, и щеки ее пошли красными пятнами.

– Не по душе мне жить под одним кровом с отродьем дьявола, – проговорила она, понизив голос до шепота. – Преподобный Тоути, мы должны во всеуслышание заявить, что не желаем держать эту женщину в нашем доме. Если уж ее не могут оставить в Стоура-Борге, так пускай перевезут на какой-нибудь остров.

– Всем нам надлежит исполнять свой долг, – пробормотал Тоути, наблюдая за тем, как цепочка всадников свернула на ближнее поле, которое примыкало к дому. Извлек из нагрудного кармана рожок с нюхательным табаком и выудил из него небольшую щепотку табаку. Аккуратно положив ее во впадинку у костяшки большого пальца левой руки, он наклонил голову и втянул ноздрями понюшку.

Маргрьет закашлялась и сплюнула.

– Даже если это означает, что нас среди ночи зарежут как свиней? Вы-то, преподобный Тоути, хотя бы мужчина, пускай совсем еще молодой, но зато слуга Божий. *Вас* она, я думаю, не решится тронуть... а как же мы с мужем? И наши дочери? Господи, да ведь мы теперь глаз не сможем сомкнуть!

– В вашем доме оставят офицера, – вполголоса заметил Тоути, всматриваясь в одинокого всадника, который легким галопом ехал к ним.

– Пускай только попробуют не оставить – я не поленюсь самолично доставить ее назад в Стоура-Борг!

С этими словами Маргрьет сцепила пальцы на животе и устремила взгляд на нескольких воронов, беззвучно летевших над горным хребтом Ватнсдальсфьядль. Издалека стая походила на облако пепла, невесомо кружащее в высоте.

– Преподобный Тоути, вы следуете старинным обычаям? – вдруг спросила Маргрьет.

Тоути обернулся к ней, помолчал, обдумывая ответ.

– Только если они благородны и не расходятся с устоями христианства.

– Знаете, как обычно называют стаю воронов?

Тоути покачал головой.

– «Сговор», преподобный. *Сговор*! – Маргрьет подняла брови, словно призывая его оспорить это утверждение.

Тоути смотрел, как вороны чинно рассаживаются вдоль по карнизу крыши хлева.

– Разве, госпожа Маргрьет? Мне казалось, что их называют «бессердечие».

Прежде чем Маргрьет успела найти с ответом, всадник, который направлялся к ним, одолел ближнее поле.

– *Comið þið sæl og blessuð!* – приветствовал он хозяйку хутора. – Будь счастлива и благословенна!

– *Drottin blessi yður!* Благослови тебя Господь! – в один голос отозвались Маргрьет и Тоути. Они дождались, покуда всадник спешится, и только тогда подошли к нему. По обычаю

все трое обменялись краткими приветственными поцелуями. Вновь прибывший взмок от пота, и от него резко пахло лошадью.

– Она здесь, – проговорил он, переводя дух. – Сами увидите, как ее измотало путешествие. – Приезжий смолк, стянул с головы шляпу и провел ладонью по влажным от пота волосам. – Думаю, хлопот она вам не доставит.

Маргрьет фыркнула.

Приезжий холодно улыбнулся.

– Нам было велено задержаться здесь на ночь, чтобы об этом позаботиться. Мы встанем лагерем на ближнем поле.

Маргрьет мрачно кивнула.

– Как угодно, только траву не потопчите. Принести вам молока? Ячменя и воды?

– Да, спасибо, – ответил он. – Мы возместим вам хлопоты.

– Вот уж незачем. – Маргрьет поджала губы. – Следите только, чтобы эта дрянь не добра-лась до моих кухонных ножей.

Приезжий сдавленно хохотнул и двинулся вслед за Маргрьет в дом. Тоути успел ухватить его за руку.

– Заключение пожелала, чтобы я побеседовал с ней. Где она?

Приезжий указал пальцем на лошадь, которая остановилась дальше всех от дома.

– Вон та баба с кислой рожей. Старшая. Другая служанка, та, что моложе, осталась в Мидхопе. Говорят, ждет ответа на прошение о помиловании.

– Помиловании? Я думал, что все трое уже обречены.

– Многие жители Ватнснеса надеются, что король помилует Сиггу. Слишком она молода и мила собой, чтобы умереть. – Приезжий скорчил гримасу. – Вон та – совсем другое дело. Когда на нее находит – просто бешеная.

– Она тоже ждет помилования?

Приезжий рассмеялся.

– Сомневаюсь я, что дождется. Блэндаль благоволит младшей. Вроде бы она напоминает ему жену. Что до этой... Блэндаль намерен всем показать, что с правосудием шутки плохи.

Тоути не сводил взгляда со всадников, собравшихся на краю ближнего поля. Прибывшие уже спешили и теперь возились с седельными выюками. И только одна фигура все так же неподвижно маячила в седле.

– Каково ее полное имя? Как мне следует обращаться к...

– Просто Агнес, – перебил приезжий. – Она откликается на «Агнес».

* * *

Мы прибыли в Корнсау. Люди из Стоура-Борга спешиваются неподалеку от покосившего усадебного дома. Перед домом стоят двое, мужчина и женщина, и всадник, который объявлял о лишении меня прав, подходит к ним. Женщина возвращается в дом, кашляя и плюясь, точно старая овца, но мужчина остается поговорить с офицером из Стоура-Борга.

Слева от меня слышен смех – двое офицеров мочатся на землю. Я чую в теплом воздухе запах мочи. Как обычно, никто не заметил, что я за весь день не съела ни крошки, не выпила ни глотка воды; губы мои пересохли и растрескались, как хворост. Я ощущаю себя так же, как в голодном детстве, – словно кости мои разрастаются внутри иссохшей от голода плоти и вот-вот вылезут наружу. У меня прекратились крови. Я больше не женщина.

Один из мужчин направляется ко мне, быстрыми широкими шагами преодолевая ближ-нее поле. Не смотри на него.

– Здравствуй, Агнес. Я... я – преподобный Торвардур Йоунссон. Младший проповедник из Брейдабоул-стадура в Вестурхоупе. – Он говорит, задыхаясь.

Не поднимай глаз. Это он. Это его голос.

Он покашливает, затем подается ко мне, словно для традиционного приветственного поцелуя, но тут же замирает, отступает на шаг, едва не запнувшись о травяную кочку. Наверняка ему ударила в нос вонь мочи, засохшей на моих чулках.

– Ты хотела встретиться со мной? – В голосе его звучит неуверенность.

Я поднимаю глаза.

Он не узнал меня. Даже не знаю, радоваться этому или огорчаться. Волосы у него такие же рыжие, пламенно-рыжие, как полуночное солнце. Словно его шевелюра впитала солнечный свет, как моток шерсти впитывает краску. Вот только лицо у него стало старше. Осунулось.

– Ты хотела встретиться со мной? – повторяет он.

Я смотрю ему прямо в глаза – и он отводит взгляд, нервно смахивает с верхней губы капельку пота, оставив на коже россыпь темных крошек. Нюхательный табак? Ему неудобно и хочется уйти.

Язык распух во рту и не в силах шевелиться, не в силах складывать слова. Да и что я могу сказать ему сейчас, когда все обернулось вот таким образом? Я сдираю струпья на запястьях, натертых кандалами, и в ранах вскипает кровь. Он замечает это.

– Что ж, я должен... я рад был познакомиться с тобой, но... сейчас уже поздно. Ты, наверное... словом, я еще загляну к тебе. Вскорости.

Он неловко кланяется, разворачивается и идет прочь, спотыкаясь в спешке. Он уходит прежде, чем я успеваю сказать, что все понимаю. Размазывая по руке свежую кровь, я смотрю, как он торопливо и неуклюже шагает к своей лошади.

Теперь я одна. Я наблюдаю за вбродом и слушаю, как кони хрустят ячменем.

* * *

Когда люди из Стоура-Борга поели и разбрелись по палаткам спать, Маргрет собрала грязные деревянные миски и вернулась в дом. Она расправила одеяла, которыми были укрыты спящие дочери, и медленно прошла по тесной комнатухе, то и дело наклоняясь, чтобы подобрать клочья сухой травы, осыпавшиеся с дерна, которым были заделаны просветы между балками. Пыль, наполнявшая комнату, приводила ее в отчаяние. Раньше стены здесь были обшиты норвежским деревом, но потом Йоун снял деревянную обшивку, чтобы расплатиться за долги с одним хуторянином, живущим на другом конце долины. Теперь с голых дерновых стен летом обильно сыпалась на постель сухая трава и торфяная пыль, а зимой стены плесневели, источая сырость, которая сочилась на шерстяные одеяла и проникала в легкие хозяев и домочадцев. Дом неотвратимо разрушался, превращался в ветхую лачугу, и эта ветхость неизбежно сказывалась на жизни обитателей. В минувшем году двое слуг захворали и умерли от этой сырости.

Маргрет, вспомнив о собственном кашле, машинально поднесла ладонь ко рту. С того самого дня, как их дом посетил сислуманн, ее больные легкие давали о себе знать с пугающей частотой. Каждое утро она просыпалась с тяжестью в груди. Маргрет не знала, что тому причиной – страх перед скорым прибытием убийцы или скопившаяся за ночь мокрота, но эти приступы невольно наводили на мысль о смерти. Все рушится, подумала она. За что ни возьми – все движется к гибели.

Один из офицеров ушел за Агнес, которую так и оставили привязанной к седлу. Маргрет успела увидеть ее лишь издали, мельком, когда покинула полумрак дома, чтобы отнести приезжим ужин, – смазанное синее пятно, краешек юбки, свисавший с бока лошади. Теперь ее сердце тяжело и глухо стучало. Скоро, очень скоро убийца окажется перед ней. Маргрет взглянет в лицо этой женщины, неизбежно ощутит вблизи тепло ее дыхания. Что ей надлежит сделать? Как повести себя в присутствии преступницы?

«Если б только здесь был Йоун, – с тоской подумала Маргрьет. – Он бы растолковал мне, что следует ей сказать. Только мужчина, настоящий мужчина знает, как управиться с женщиной, которая натворила столько бед».

Маргрьет присела, рассеянно перебирая в пальцах стебельки сухой травы. Почти четыре десятка лет на четырех разных хуторах она успешно управлялась со всеми слугами и работниками, которые трудились в хозяйстве ее мужа, – и все же сейчас словно оцепенела, мучаясь неуверенностью и тревогой. Та женщина – как ее? – Агнес? – не служанка, не гостья, не нищенка в поисках милостыни. Она недостойна милосердия... но ведь ее приговорили к смерти. Маргрьет содрогнулась. Ее тень в зыбком свете лампы то и дело пускалась в причудливый пляс.

От входной двери донеслись глухие шаги. Маргрьет стремительно встала, разжала стиснутые кулаки, разроняв собранную траву. Из полутьмы коридора гулко раскатился низкий голос офицера:

– Госпожа Маргрьет из Корнсау! Я привел заключенную. Можно нам войти?

Маргрьет сделала глубокий вдох и выпрямилась.

– Ступайте сюда, – повелительно бросила она.

Офицер вошел в бадстову первым, широко улыбаясь Маргрьет, которая смущенно застыла посреди комнаты, вцепившись обеими руками в фартук. Краем глаза она глянула туда, где мирно спали дочери, и ощутила, как бьется в горле жилка, наполненная кровью.

Секунду царило молчание – офицер моргал, привыкая к неяркому свету лампы. Затем он рывком втащил в комнату свою спутницу.

Маргрьет не ожидала, что убийца окажется настолько жалкой и грязной. Платье на ней было, какие обычно носят служанки, – простое, из грубой шерсти, но до того перепачкано и покрыто заскорузлой грязью, что его изначальный синий цвет едва удавалось различить на засаленных почти до черноты горловине и руках. Выцветшие синие чулки промокли насквозь и сползли до лодыжек; один чулок порвался, и в прорехе просвечивала бледная кожа. Башмаки, судя по всему, из тюленьей кожи, явно лопнули по швам, но под слоем грязи было не разобрать, в какой мере они изорваны. Голова узницы была непокрыта, спутанные сальные волосы кое-как заплетены в две черные косы, откиннутые за спину, несколько выбившихся прядей прилипли к шее. Маргрьет подумалось, что вид у женщины такой, точно ее волокли из Стоура-Борга пешком. Лица видно не было; она упорно глядела в пол.

– Посмотри на меня.

Агнес медленно подняла голову. Маргрьет невольно содрогнулась при виде засохшей на губах крови, грязных разводов, которые оставила на лице дорожная пыль. На подбородке, захватывая и часть шеи, желтел большой застарелый синяк. Агнес, оторвав взгляд от пола, быстро, исподлобья глянула на Маргрьет, и той стало не по себе от пронзительной синевы этих глаз, так ярко сверкавших на покрытом грязью лице.

Маргрьет повернулась к офицеру:

– Эту женщину избивали.

Офицер вглядывался в лицо Маргрьет, явно ожидая увидеть в нем злорадство, но, обманутый в своих ожиданиях, опустил глаза.

– Где ее вещи?

– Только то, что на ней надето, – ответил он. – Остальное забрали чиновники, чтобы покрыть расходы на пропитание.

Прилив гнева придал Маргрьет сил, и она выразительно ткнула пальцем в кандалы, которые стягивали запястья женщины.

– Так ли нужно держать ее в путах, как овцу, приготовленную на убой? – осведомилась она.

Офицер пожал плечами и выудил ключ. С привычной ловкостью он избавил Агнес от наручников. Ее руки бессильно, как плети, упали вдоль тела.

– Теперь ступайте, – сказала Маргрет офицеру. – Можете прислать кого-нибудь, когда я соберусь спать, но сейчас я хотела бы побыть с ней наедине.

Глаза офицера округлились.

– Вы уверены? – осторожно спросил он. – Мало ли что может случиться.

– Я уже сказала: ваша помощь понадобится, когда я пойду спать. Можешь подождать за дверью, коли охота, в случае чего я позову.

Офицер колебался, но все же кивнул и, отсалютовав, вышел. Маргрет повернулась к Агнес, которая так и стояла, не шелохнувшись, посреди комнаты:

– Ступай за мной.

Маргрет вовсе не хотелось прикасаться к женщине, но в доме было так темно, что пришлось ухватить Агнес за руку, чтобы отвести в нужную комнату. И ощутить под пальцами костлявое исхудавшее запястье, липкие следы крови. От женщины крепко несло застоявшейся мочой.

– Сюда. – Маргрет, медленно ступая, прошла в кухню, наклонив голову, чтобы не задеть низкую притолоку.

В кухонном очаге, обложенном камнями, краснели угли, в торфяной, укрепленной соломой крыше зияло небольшое отверстие дымника. Сочившийся сквозь него розоватый сумеречный свет падал на земляной пол, пронизывая клубы расползавшегося повсюду дыма. Маргрет ввела Агнес в кухню, развернулась и взглянула ей в лицо.

– Снимай одежду. Чтобы спать под моими одеялами, тебе нужно как следует вымыться. Нечего притаскивать в этот дом новых вшей, здесь и старых хватает.

Лицо Агнес не выразило никаких чувств.

– Где вода? – прохрипела она.

Маргрет на миг замялась, затем повернулась к большому котлу, который стоял на углях. Запустив руку в котел, она выудила замоченную на ночь посуду и с усилием отставила ее на пол.

– Вот тебе вода, – сказала она, – и притом теплая. А теперь поторапливайся, время уже за полночь.

Агнес поглядела на котел – и вдруг рухнула на пол. Маргрет вначале почудилось, что женщина лишилась чувств, но тут же она поняла, что ошиблась. И смотрела, как Агнес, перегнувшись над краем котла, черпает горстями жирную воду, пьет, захлебываясь от жадности, точно скот у поилки. Вода текла струями по ее шее и подбородку, впитывалась в заскорузлые от грязи складки платья. Недолго думая Маргрет нагнулась и оттолкнула голову Агнес от котла.

Женщина упала на локти и вскрикнула, захлебываясь непроглоченной водой. От этого звука у Маргрет сжалось сердце. Глаза Агнес были полуприкрыты, губы так и не сомкнулись. Она напоминала того, кто лишился рассудка от пьянства, от встречи с привидением или от горя, когда в семье один за другим умерли близкие.

Женщина заскулила, провела тыльной стороной ладони по рту, затем по платью. И, с усилием оторвавшись от пола, попыталась встать.

– Я хочу пить.

Маргрет кивнула, чувствуя, как неистово колотится в груди сердце. И с трудом сглотнула.

– В другой раз, – сказала она, – ты хоть кружку попроси.

* * *

Когда преподобный Тоути вернулся в усадьбу своего отца у брейдабулстадурской церкви, он весь взмок от пота. Из Корнсау он скакал что есть духу, молотя пятками по бокам лошади, и ветер хлестал его по лицу, да так, что щеки горели от прилившей крови.

Перейдя на шаг, Тоути направил взмыленную лошадку к столбику недалеко от входа в усадьбу. Спешился, опустив на землю дрогнувшие в коленях ноги. Усилившийся ветер прохватывал плотную одежду насквозь, и Тоути, мокрого как мышь, пробрал ледяной озноб. Он изо всей силы стиснул зубы. Когда он наматывал поводья на столбик, руки у него мелко тряслись.

Ветром принесло с моря тяжелые тучи, и сейчас неотвратимо смеркалось, хотя с летнего солнцестояния времени прошло всего ничего. Тоути поднял отсыревший воротник, надвинул шляпу поглубже. И, похлопав лошадь по крупу, двинулся по пологому подъему к церкви. Тоути ощущал себя мокрой ветошью, которую выжали досуха и бросили бесформенным комком валяться на земле. Эти северные дни, насквозь пропитанные неотвязным светом, эти вечные светлые сумерки изрядно донимали его. Он не в состоянии был определить время суток – не то что на юге, где проходила его учеба.

Начался дождь, и порывы ветра усилились. Ветер хлестал по высокой траве, то прижимая стебли к земле, то позволяя вновь выпрямиться. В темнеющих сумерках трава казалась серебристой.

Тоути широко шагал вверх по холму, разминая затекшее от езды тело, и размышлял о своей встрече с женщиной. *Той* женщиной. Убийцей. *Агнес*.

Первым делом он заметил, как широко она, привязанная к седлу, растопырила ноги, чтобы не скользить по крупу коня. Затем почуял, как от нее пахнет – едкая острая вонь немытого тела, заношенной одежды и обильного пота, засохшей крови... и еще какой-то запах, рожденный между этих широко расставленных ног. Присущий только женщинам. При мысли о нем Тоути залился краской.

Однако же отвращение вызвала в нем вовсе не эта вонь. Просто женщина походила на вырытый из могилы труп. Всклоченные черные волосы, похожие на сальные веревки, и бурые точки забитых грязью пор на коже. Как у прокаженного.

При виде ее Тоути испытал жгучее желание развернуться и броситься наутек. Отпраздновать труса.

Согнувшись под натиском дождя и ветра, Тоути мысленно порицал себя. Что же ты за мужчина, если готов обратиться в бегство при виде изуродованной плоти? Каким же ты станешь священником, если не в силах вынести вида страданий?

Более всего смутил его душу явственный синяк на подбородке женщины. Насыщенно-желтый, словно засохший яичный желток. Тоути гадал, что могло оставить на ее лице этот след. Грубая мужская рука, ухватившая женщину за горло? Веревка, которой ее привязали к кандалам? Простое падение?

Мало ли обо что человек может стукнуться! Тоути дошел до церкви и принялся отпирать ворота.

Может, то была простая случайность. Может, женщина ушиблась сама.

Преподобный торопливо прошагал по мощеной дорожке к церкви, стараясь не смотреть на утонувшие в сумраке могилы, на деревянные кресты. Достав из кармана грубо скованный ключ, вошел в церковь. И вздохнул с облегчением, заперев за собой дощатую дверь и отгородившись от глухих завываний ветра. Здесь, внутри, царила безупречная тишина. Ее нарушал только тихий постук дождя в единственное окно церкви – отверстие, затянутое рыбьей кожей.

Тоути стянул с головы шляпу и провел рукой по волосам. Поскрипывая половицами, подошел к кафедре. С минуту он стоял неподвижно и разглядывал, щурясь, алтарную картину. Тайная вечеря.

Фреска была уродлива – громадный стол, во главе его приземистый Иисус. Иуда, затаившийся в тени, выглядел комично и смахивал на тролля. Фреску написал сын одного местного купца, который был женат на датчанке и обладал значительными связями в правительстве. После одной воскресной службы Тоути подслушал разговор купца с преподобным Йоуном: купец сетовал на то, что с предыдущей фрески, дескать, осыпается краска. И упомянул своего сына, чей художественный дар обеспечил ему стипендию в Копенгагене. Если преподобный Йоун позволит ему, купцу, выразить свою исключительную преданность приходу, он с радостью закупит все необходимые материалы и оплатит работу сына, не ввергая в расходы церковь. Само собой, отец Тоути, будучи склонным к бережливости, дал согласие на то, чтобы поверх старой фрески написали новую.

Тоути сожалел о гибели прежней картины. То была великолепная иллюстрация к сюжету из Ветхого Завета – Иаков, борющийся с ангелом. Мужчина уткнулся лицом в плечо противника, и в кулаке его был зажат пучок ангельских перьев.

Тоути вздохнул и медленно опустился на колени. Положив шляпу на пол, он прижал сомкнутые ладони к груди и начал молиться вслух:

– Отец Небесный, прости мне мои грехи. Прости мне мою слабость и страх. Помоги мне побороть трусость. Укрепи мои силы выдержать вид страдания, дабы мог я исполнить волю Твою и принести облегчение страждущим.

Господи, я молю за душу этой женщины, которая совершила ужасный грех. Пошли мне слова, дабы я мог склонить ее к раскаянию.

Я признаюсь в страхе своем. Я не знаю, что ей сказать. Я не чувствую уверенности, о Господи. Молю – охрани мое сердце от... ужаса, который пробуждает во мне эта женщина.

Тоути долго не поднимался с колен. Только мысль о лошадке, которая так и осталась, оседланная, стоять под дождем и ветром, в конце концов побудила его встать и выйти, заперев за собой церковную дверь.

* * *

На следующий день Маргрет проснулась рано. Офицер, улегшийся спать в кровати напротив, чтобы охранять ее от убийцы, громко храпел. Клокочущий звук ворвался в сон Маргрет и разбудил ее.

Она повернулась лицом к стене, заткнула уши уголками одеяла, но надсадный храп все равно проникал в голову. Сон ушел бесследно. Маргрет легла на спину и в темноте комнаты вглядывалась в спящего напротив офицера. Его жесткие светлые волосы торчали сальными клоками, над подушкой виднелся приоткрытый рот. Маргрет заметила, что его подбородок усыпан прыщами.

«Так-то они защищают меня от убийцы, – мрачно подумала она. – Посылают на это дело прыщавого мальчишку, который дрыхнет без задних ног».

Маргрет бросила взгляд в дальний конец комнаты, где стояли кровати для слуг – одну из них отвели той самой убийце. Женщина лежала смирно и, судя по всему, спала. Крепко спали и дочери Маргрет. Она приподнялась на локтях, чтобы присмотреться как следует.

Агнес.

Маргрет мысленно повторила это слово.

Неправильно это, подумалось ей, называть эту женщину христианским именем. Интересно, как звали ее в Стоура-Борге? Заключение? Осужденная? Приговоренная? Или же вовсе никак не называли, обращались к ней, оставляя на месте имени зияющую пустоту?

Маргрьет содрогнулась, натянула одеяло повыше. Глаза Агнес были закрыты, губы плотно сомкнуты. Чепчик, который дала ей Маргрьет, за ночь развязался, и черные волосы женщины выбились на волю. Сейчас они распластались на подушке, словно чернильное пятно.

Было так странно наконец увидеть эту женщину вживе после целого месяца ожидания. Ожидания и страха. Тугого, как натянутая леска, подцепившая в глубине *нечто*, которое неизбежно придется вытащить на поверхность.

Какой должна быть женщина, способная убивать?

До сих пор Маргрьет знала только одну разновидность женщин-убийц – то были героини саг, но даже они несли смерть с помощью слов – отдавали слугам приказание расправиться с любовником или отомстить за гибель родичей. Эти женщины убивали на расстоянии, и руки их при этом оставались чисты.

Однако же, думалось Маргрьет, времена саг давно миновали. Эта женщина – вовсе не героиня саги, но безземельная работница, взращенная на похлебке из мха и нищеты.

Снова улегшись на кровать, Маргрьет припомнила Хьёрдис, свою любимую служанку. Теперь она мертва, похоронена на церковном дворе в Ундирфедлье. Маргрьет попыталась представить Хьёрдис убийцей. Попыталась вообразить, как Хьёрдис вонзает нож в нее, спящую – именно так были убиты Натан Кетильссон и Пьетур Йоунссон. Тонкие пальцы, крепко обхватившие рукоять ножа, бесшумно крадущиеся шаги в ночи.

Нет, это немыслимо.

Лауга допытывалась мнения Маргрьет – не окажется ли у этой женщины какой-нибудь приметы, которая безошибочно указывает на склонность к смертоубийству? Отметина дьявола: заячья губа, торчащий зуб, родинка диковинной формы – словом, некий мелкий порок. Должно же быть в ее внешности нечто, предостерегающее добрых людей держаться от нее подальше. Маргрьет категорически отвергла это измышление, объявив его чистой воды суеверием, но Лаугу ее слова не особенно убедили.

Сама Маргрьет гадала, окажется ли эта женщина красива. Ей, как и всем жителям северных земель, было хорошо известно, что Натан Кетильссон славился своим умением находить в подруги настоящих красавиц. Люди втайне считали его колдуном.

Ингибьёрг, соседка Маргрьет, считала, что именно Агнес послужила причиной разрыва между Натаном и Роусой-Поэтессой. Обе женщины задавались вопросом – означает ли это, что служанка красивее Роусы? Красивую женщину, подумала Маргрьет, не так уж трудно представить убийцей. Как говорится в сагах, *opt er fagð i fögru skinni* – «нередко за красивой личиной кроется нечисть»⁸.

Однако эта женщина оказалась ни уродлива, ни красива. Ее облик скорее поражал – но не в том смысле, что заставлял пылких юнцов пожирать ее голодным взглядом. Она была необыкновенно хрупкого сложения, как сказали бы южане, суцая аульва⁹, – и притом вполне заурядного роста. Минувшей ночью в кухне Маргрьет решила, что лицо у этой Агнес вытянутое, отметила высокие скулы и прямой нос. Кожа – если не считать синяков и кровоподтеков – была довольно светлая и казалась еще белее на фоне темных волос. Необычных. В здешних краях, подумалось Маргрьет, женщина с такими волосами – настоящая редкость. Такие длинные, такого темного смоляного оттенка, что кажутся почти черными.

Маргрьет подтянула одеяло к подбородку, вслушиваясь в неумолчный храп офицера. Точно лавина рокошет, с неудовольствием подумала она. Усталость навалилась на нее, грудь распирало от скопившейся за ночь мокроты.

⁸ Цитата из «Саги о Людах с Песчаного Берега», пер. с древнеисландского А. Циммерлинга и В. Агишева.

⁹ Аульвы – персонажи исландского фольклора, «скрытый народец», живущий в холмах и скалах и обладающий волшебной властью.

Под сомкнутыми веками Маргрьет замелькали образы. Вот Агнес с животной жадностью пьет воду из котла. Вот безуспешно теребит тесемки платья – пальцы распухли и не желают ее слушаться. Маргрьет вынуждена была прийти на помощь, кончиками пальцев соскребла с платья присохшую грязь – иначе тесемки было бы не развязать. В тесной, пропахшей дымом кухне смрад от одежды и тела Агнес оказался так силен, что Маргрьет едва не вывернуло. Она задержала дыхание, стягивая с Агнес вонючую ткань, и отвернулась прочь, когда платье сползло с худых плеч и упало на пол, роняя хлопья сухой пыли.

Маргрьет припомнились лопатки Агнес. Острые, как ножи, они распирали грубое полотно нижней сорочки – с пожелтевшим вырезом и грязными бурыми пятнами в подмышках.

Надо будет перед завтраком сжечь всю ее старую одежду. Прошлой ночью Маргрьет свалила ее в углу кухни, не желая тащить это тряпье в бадстову – оно так и кишело блохами.

Каким-то чудом ей удалось почти отмыть Агнес. Вначале та пыталась мыться сама, вяло водила мокрой тряпкой по рукам и груди, но грязь так заскорузла от времени, что, казалось, приросла к коже. Наконец Маргрьет, закатав рукава и стиснув зубы, выхватила у нее тряпку и принялась скрести до тех пор, пока ткань насквозь не пропиталась грязью. Обмывая Агнес, она поймала себя на том, что помимо воли ищет пороки, в существовании которых была так уверена Лауга: приметы убийцы. Такой приметой можно было счесть разве что глаза женщины. Маргрьет подумалось, что они слишком уж необычные. Ярко-голубые, чистые, но чересчур светлые, чтобы их можно было признать красивыми.

Тело женщины носило следы бесчисленных издевательств. Даже Маргрьет, привыкшей к ранам и увечьям, неизбежным следствиям тяжелого труда и несчастных случаев, – даже ей сделалось не по себе.

Быть может, она переусердствовала, отскребая грязь с кожи Агнес, – размышляла Маргрьет, засунув голову под подушку в безуспешной попытке укрыться от раскатистого храпа. Ссадины кое-где открылись и начали кровоточить. Вид свежей крови доставил Маргрьет некое тайное удовлетворение.

Она заставила Агнес вымыть заодно и голову. Вода в котле стала уже слишком грязной, а потому Маргрьет послала одного из офицеров с ведрами к горному ручью. Пока они ждали его возвращения, Маргрьет обработала раны Агнес мазью из серы с топленным свиным жиром.

– Ее изготовил собственноручно Натан Кетильссон, – заметила она и быстро глянула на Агнес, желая увидеть ее реакцию. Та ничего не сказала, но Маргрьет почудилось, что жилы на шее женщины напряглись. – Упокой Господи его душу, – пробормотала Маргрьет.

Отмыв волосы Агнес, насколько позволяла ледяная вода, и покрыв кровоточащие ссадины слоем топленого жира, Маргрьет выдала ей нижнее белье и постельные принадлежности Хьёрдис. Сорочка, в которой сейчас спала Агнес, была на Хьёрдис, когда та скончалась. Если на сорочке и остались следы заразы, то это, подозревала Маргрьет, не так уж важно. Все равно ее новая владелица долго не проживет.

До чего же странно думать о том, что женщина, которая спит на кровати шагах в десяти от нее, очень скоро сойдет в могилу.

Маргрьет вздохнула и опять села на кровати. Агнес не шелохнулась. Офицер все так же храпел. Маргрьет заметила, как он во сне запустил руку в пах и шумно почесался. Она отвела глаза, усмехаясь и злясь, что вот этот человек – ее единственная защита и опора.

Можно бы уже встать и приготовить офицерам из Стоура-Борга завтрак, подумала она. Скир, быть может... или сушеную рыбу. Маргрьет прикинула, хватит ли ей масла и когда слуги с покупками вернутся из Рейкьявика.

Снимая чепчик, она напоследок глянула на спящую женщину.

Сердце Маргрьет едва не выпрыгнуло из груди. Агнес лежала на боку и из темного угла бадстовы невозмутимо наблюдала за ней.

Глава 3

О преступлении известно следующее: Фридрик Сигюрдссон при пособничестве Агнес Магнусдоттир и Сигридур Гвюндмюндсдоттир проник около полуночи в дом Натана Кетильссона и нанес Натану, а также Пьетуру Йоунссону, его гостю, смертельные удары ножом и молотком. Затем, желая избавиться от окровавленных трупов, они подожгли хутор, дабы скрыть в огне следы своего преступления. Фридрик совершил сие злое дело из ненависти к Натану, а также из желания его ограбить. В конце концов убийство стало достоянием гласности. У сислуманна возникли подозрения, и, когда были обнаружены два обгорелых трупа, он уверился, что эти трое действовали в преступном сговоре.

Из книги слушаний Верховного суда за 1829 год

В КЛАДОВОЙ СТОУРА-БОРГА Я НЕ ВИДЕЛА СНОВ. Когда я сворачивалась клубком на струганых досках и укрывалась, силясь согреться, заплесневелой лошадиной шкурой, сон подступал ко мне, точно волна на мелководе. Он плескался вокруг меня, но ни разу не накрывал с головой. Погружая в забытие. Всякий раз что-нибудь будило меня: звук шагов или плеск ночного горшка, который пришла опорожнить служанка, муторный смрад мочи. Порой, если я лежала неподвижно, зажмурив глаза и старательно отгоняя любые мысли, сон ручейками возвращался в мое бытие. Разум мой то погружался в беспамятство, то вновь пробуждался, и так длилось до тех пор, пока в кладовую не проникал на долю секунды клочок света и грубая рука служанки не совала мне кусок сушеной рыбы. Порой мне думается, что с той самой ночи, когда сгорел хутор, я ни разу не спала по-настоящему и что эта бессонница, быть может, и есть возмездие, посланное Богом. Или даже Блэндалем: сны отобрали у меня со всем прочим имуществом, чтобы возместить расходы на мое содержание под стражей.

И однако же прошлой ночью, здесь, в Корнсау, мне приснился Натан. Он варил травяное питье, а я наблюдала за ним, водя руками по дерновой стене кузницы. Стояло лето, и свет, сеявшийся с неба, отливал розовым. Травы, отобранные для отвара, источали сильный аромат, и он окружал меня облаком. Я вдыхала горьковато-сладкий запах, чувствуя, как поднимается волна счастья и постепенно захлестывает меня. Наконец-то я покинула долину! Натан обернулся ко мне и улыбнулся. В руках он держал стеклянный мерный стакан с накипью, которую собирал с поверхности варева; над стаканом курил пар. В черных шерстяных чулках, с поднимавшейся из ладони струйкой пара Натан походил на колдуна. Он переступил через пятно солнечного света на полу, и я открыла ему объятия, смеясь, изнемогая от любви... но тут стакан выскользнул из его руки и разбился об пол, и в комнату маслянисто-черной струей хлынула тьма.

Кажется, после этого сна я уже не спала.

Натан мертв.

Каждое утро боль утраты обрушивается на меня сызнова.

Единственное спасение – загнать свои мысли назад в пучину сна, в тот золотой миг счастья, который обволакивал меня до того, как разбился мерный стакан. Или вообразить себе Бреккукот, когда со мной еще была мама. Если сосредоточиться, можно увидеть, как она спит в кровати напротив моей, и Йоуас, малыш Йоуас почесывает блошинные укусы. Я стану давить его блох ногтем большого пальца.

Однако воспоминания, которые я насильственно призываю, мертвы. Я-то знаю, что будет после Бреккукота. Знаю, что случится с мамой и Йоуасом.

Открыв глаза, я вижу, что Маргрет не спит. Она ворочается в постели, отрешенно поддергивая одеяло. Чепчик ее сбился, и я вижу, что ее седые волосы аккуратно расчесаны и заплетены в две тугие косы – даже сейчас, на время отдыха. Я почти различаю контуры ее черепа.

Лицо Маргрет видно смутным пятном, наполовину укрытое одеялом, в которое она замotalась. Она повернулась на бок, разглядывая офицера, который спит в кровати напротив.

Офицер храпит, и хозяйка хутора неодобрительно цокает языком. Я слышу тебя, старуха. Тебе уже надоело? Побудь хотя бы год рядом с ними, под их косыми взглядами, во власти их безжалостных рук.

Сушеные водоросли, которыми набита подушка, шуршат – Маргрет поворачивает голову. И видит меня. Она судорожно втягивает воздух и порывисто прижимает руку к груди.

Мне следует быть осторожней. Нельзя, чтобы тебя застигли глядящей на кого-то в упор. Еще решат, что ты от них чего-то хочешь.

– Ты проснулась. Отлично. – Хозяйка хутора ладонью отводит волосы со лба. Секунду она неуверенно смотрит на меня, быть может, пытаясь понять, давно ли я за ней наблюдаю. – Вставай, – приказывает она.

Я повинуюсь. Доски холодят мои босые ноги.

Маргрет вручает мне одежду из синей шерсти, какую носят служанки, и мы молча одеваемся. Она то и дело поглядывает на храпящего офицера. Я натягиваю на голову чепчик из грубого полотна и озираюсь по сторонам. В других кроватях спят какие-то люди. Слуги, должно быть. Выяснить, кто это такие, некогда – Маргрет выводит меня в темный коридор, задерживаясь лишь затем, чтобы выдернуть клоч сухой травы, сухими прядями свисающей с балки.

– Все разваливается, – бормочет она.

Она идет так быстро, что я не успеваю заглянуть в другие комнаты. Дом невелик, но я помню с прежних времен вот этот чулан с бочонками, а вон та клетушка, где стоят ведра, корыта и доильник, должно быть, маслодельня, хотя, вполне вероятно, нынешние хозяева превратили ее в кладовую. Мы проходим мимо кухни. В углу валяется грудой одежда, в которой меня привезли из Стоура-Борга.

Снаружи уже стоит погожий день. Трава влажно блестит после ночного дождя, и в свете утреннего солнца ее стебельки отливают особенно яркой зеленью. Дует свежий ветер, и по лужам во дворе пробегает рябь. Теперь я замечаю и такие мелочи.

– Как видишь... – начинает Маргрет и запинается, споткнувшись о деревяшку, откатившуюся от сваленной возле дома груды выловленного из моря плавника. – Как видишь, работы здесь много, так что бездельничать будет некогда.

Это первые слова, с которыми она обратилась ко мне с тех пор, как принесла одежду. Ничего не ответив, я опускаю глаза. И замечаю, что подол ее юбки покрыт пятнами въевшейся грязи, поскольку уже не первый год замечает при ходьбе землю.

Маргрет выпрямляется, упирает руки в бедра, словно стремясь таким образом прибавить себе роста. Ногти у нее обгрызены до мяса.

– Не стану скрывать – твой приезд меня во все не радует. Я не хочу, чтобы ты жила в моем доме. Не хочу, чтобы ты жила под одним кровом с моими детьми.

Так вот кто там спал в кроватях – ее дети.

– Меня принудили поселить тебя в своем доме, а ты... – она на мгновение запинается, – ты принуждена жить там, где тебя поселили.

Утренний ветер бьет нам в спины, хлопает подолами наших платьев по ногам. Когда я была маленькой, Инга, моя приемная мать, научила меня растягивать ткань юбки под порывами ветра и притворяться, будто это крылья. Ощущение было такое, словно летишь. Когда-нибудь, говорила Инга, ветер подхватит меня и унесет прочь, и все жители долины, подняв глаза, увидят мою нижнюю сорочку. Я обыкновенно хохотала над этими словами.

– Йоун, мой муж, сейчас в Хваммуре, но этим утром вернется. Со дня на день вернутся и наши работники, начнут заготавливать сено. Так что прохладиться тебе здесь не дадут. Не знаю, чем ты занималась в Стоура-Борге, но скажу вот что: здесь тебе не дадут сесть нам на шею.

Она ничего не знает.

– Стало быть, так. – Маргрет решительно упирает руки в бока. – Ты, насколько я понимаю, состояла в служанках до того, как... – Она умолкает не договорив.

До того как Натану Кетильссону и Пьетуру Йоунссону размозжили головы молотком?

– Да, хозяйка.

При звуке собственного голоса меня охватывает тревога. Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я произнесла хоть слово по своей воле.

– Ты была служанкой? – Маргрет не расслышала меня за шумом ветра.

– Да, служанкой. С пятнадцати лет. А до того батрачила где придется.

Мой ответ ее явно порадовал.

– Ты умеешь прясть, вязать, готовить, обихаживать скот?

Все это я могла бы проделывать даже во сне.

– С лезвием обращаться можешь?

У меня перехватывает дыхание.

– Э... что, хозяйка?

– Сена накосить сумеешь? С косой справишься? Бог весть скольким нынешним служанкам никогда в жизни не доводилось косить траву, понимаю, в наши дни как-то и не принято, чтобы женщины этим занимались, но у нас тут так мало работников...

– Я управлюсь с косой.

– Отлично. Что ж, мое мнение таково: ты будешь отрабатывать свое содержание. Платить, так сказать, за причиненные неудобства. Мне здесь нужна служанка, а не убийца.

Убийца. Слово тяжело повисает в воздухе. Никакие порывы ветра не способны его развеять.

Мне хочется замотать головой. Хочется сказать, что это слово не имеет ко мне отношения, не подходит мне, не вяжется с тем, что я есть на самом деле. Это просто слово, сказанное человеком, – не более.

Но что толку протестовать против слов?

Маргрет откашливается.

– Я не потерплю безобразий. Не спущу лени. Посмеешь дерзить, своевольничать, бездельничать, своровать что-то, замыслить пакость – мигом выгоню со двора. Выволоку за косы, если придется. Ты меня поняла?

Она не ждет ответа. Знает, что мне деваться некуда.

– Пойдем, покажу тебе скот, – продолжает она, сделав глубокий вдох. – Я подою овец и корову, а ты...

Взгляд Маргрет, устремленный на меня, перемещается к соседнему хутору. Что-то там привлекло ее внимание.

* * *

Снайбьёрн, хуторянин из Гилсстаудира, неспешно шагал пологим подъемом долины. Рядом шел один из его семи сыновей – Паудль, которому этим летом доверили пасти овец Корнсау. По пятам за ними едва поспевали Роуслин, жена Снайбьёрна, и две ее младшие дочери.

– Помоги мне Господь, – пробормотала Маргрет. – Только этой оравы здесь не хватало. Внезапно она встрепенулась и схватила Агнес за руку.

– Ступай в дом! – шепотом приказала она и, протаскивая Агнес по подворью, решительно толкнула ее к входной двери. – В дом, быстро!

Агнес на мгновение задержалась на пороге, окинула взглядом Маргрет – и наконец скрылась в полутьме дома.

– *Sæl og blessuð!* – издалека выкрикнул приветствие Снайбьёрн. Он был высок и тучен, с ярко-красными щеками и тусклыми светлыми волосами, которые падали на глаза. – Погода нынче хороша!

– И в самом деле, – сухо отозвалась Маргрьет и, подождав, пока он подойдет ближе, добавила: – Вижу, вы с Паудлем привели мне гостей.

Снайбьёрн неловко ухмыльнулся.

– Роуслин сама напросилась. Она, видишь ли, услышала о вашей... кхм... незадаче. Сказала – мол, хочет удостовериться, что у вас все в порядке.

– Как это мило с ее стороны, – процедила Маргрьет сквозь зубы.

Роуслин уже подошла на расстояние слышимости.

– Славная погодка! – прокричала она, по-детски помахав рукой. – Дай бог, чтоб такая продержалась до сенокоса. Доброе утро, Маргрьет!

Жена Снайбьёрна носила одиннадцатого ребенка; ее округлившийся живот так и выпирал, задирая платье и открывая отекавшие, промокшие от росы лодыжки. Широкое лицо Роуслин покраснело от ходьбы, она отдувалась, и груди ее тяжело колыхались над округлым холмом живота.

– Мне вот подумалось – пойду-ка со Снайбьёрном и Паудлем да навещу тебя.

Пятилетняя дочь Роуслин, споткнувшись о травяную кочку, протянула Маргрьет накрытую тарелку.

– Ржаной хлеб, – пояснила Роуслин. – Захотелось тебя угостить.

– Спасибо.

– Ох ты, Господи, совсем запыхалась. Старовата я уже для таких дел, а детишки все равно идут один за другим. – Роуслин бодро похлопала себя по животу.

– Да уж, – кисло согласилась Маргрьет.

Снайбьёрн кашлянул, посмотрел на женщин.

– Ладно, нам, мужчинам, надо бы заняться делом. Маргрьет, Йоун дома?

– В Хваммуре.

– Ясно. Что ж, тогда отправлю Паудля к овцам, а сам гляну на ту косу, если только ты не против, чтобы я ковырялся в вашей кузне. – Снайбьёрн повернулся к жене и дочерям: – А ты, Роуслин, не больно-то долго отвлекай Маргрьет от домашних забот.

С этими словами он одарил женщин мимолетной улыбкой, развернулся на пятках и большими уверенными шагами двинулся прочь, легонько подталкивая перед собой сына.

Едва он отошел за пределы слышимости, Роуслин рассмеялась:

– Ох уж эти мужчины! Минуты не могут спокойно постоять на месте. Ступай, Сибба, поиграй с сестрой. Далеко не отходите. Держитесь поблизости от нас, ясно?

Приговаривая так, она подталкивала девочек, а сама так и шарила глазами по двору, словно кого-то высматривала. Маргрьет оперла тарелку с хлебом о бедро. Сладковатый аромат ржаного печева смешался с жарким влажным запахом, источаемым Роуслин, и от этой смеси замутило. Маргрьет зашлась кашлем, содрогаясь всем телом, так что Роуслин пришлось выхватить у нее тарелку, иначе хлеб вывалился бы на землю.

– Ну-ну, Маргрьет, держись. Дыши ровнее. Все хвораешь?

Маргрьет дождалась, пока приступ кашля стихнет, и сплюнула в траву вязкий комочек слизи.

– Ничего я не хвораю. Просто зимний кашель.

Роуслин хихикнула:

– Да ведь уже лето в самом разгаре.

– Все в полном порядке, – отрезала Маргрьет.

Роуслин оглядела ее с преувеличенным состраданием.

– Конечно, в порядке, раз ты сама так говоришь. Ну да, по правде говоря, именно поэтому я сегодня и заглянула. Я, знаешь ли, за тебя беспокоюсь.

– Да неужели? – пробормотала Маргрет. – С чего бы это?

– Прежде всего, конечно, из-за твоей грудной хвори, но еще до меня в последнее время доходили кое-какие слухи. Чепуха, конечно, но все-таки... – Роуслин склонила голову набок и улыбнулась, отчего на ее щеках появились ямочки. – Ну да что это я – болтаю без удержу и даже не подумала спросить, а вдруг ты занята. – Она поверх плеча Маргрет вгляделась в дом, приложила ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца. – Надеюсь, я все же не помешала. С тобой тут, кажется, кто-то был. Какая-то черноволосая женщина. Гостья? – С этими словами Роуслин старательно изобразила на лице вежливое безразличие.

Маргрет раздосадованно вздохнула:

– Острые у тебя глаза.

– Гм. Может, это Ингибьёрг? – осведомилась Роуслин, выразительно подняв бровь. – Тогда я лучше пойду, не буду мешать подружкам.

Маргрет поборолла соблазн закатить глаза.

– Нет, не Ингибьёрг.

– Ну да, конечно, для нее чуток рановато, – подмигнув, заметила Роуслин. – Новая работница? Для сенокоса вам лишняя пара рук была бы очень кстати.

– Ну, не совсем работница...

– Значит, родственница? – не унималась Роуслин, подступив ближе.

Маргрет тяжело вздохнула и прокашлялась, отчетливо сознавая, что от этих испытующих расспросов ей не отвертеться.

– Женщину, которую ты видела, поселили на нашем хуторе по приказу сислуманна Бьёрна Аудунссона Блэндаля.

– Да неужели? Вот чудеса-то! А с какой стати?

– Ее зовут Агнес Магнусдоттир. Она – одна из слуг, которых осудили за убийство Натана Кетильссона и Пьетура Йоунссона, и будет содержаться у нас под стражей до самой казни.

С этими словами Маргрет решительно скрестила руки на груди и с вызовом взглянула на Роуслин.

Та охнула и поставила тарелку с хлебом на землю, чтобы без помех выразить охвативший ее ужас.

– Агнес?! Та самая Агнес, сообщница Фридрика? Убийца Натана Кетильссона? – Роуслин прижала ладони к покрасневшимся щекам и круглыми глазами уставилась на Маргрет. – Но послушай! Ведь я же именно по этой причине и пришла! Оуск Йоуханнсдоттир говорила, что у нее был разговор с Соффией Йоунсдоттир, а брат Соффии, Йоуханн, служит батраком в Хваммуре... так вот, Соффия сказала, что Блэндаль решил забрать Агнес из Стоура-Борга, потому что нельзя рисковать жизнью таких уважаемых граждан, и...

Роуслин осеклась, осознав свою промашку. Маргрет, поджав губы, одарила ее уничтожающим взглядом.

– Ой! Маргрет, правда, я совсем не хотела сказать... – Округлые щеки Роуслин вспыхнули как маков цвет.

– Да, Роуслин. Правда, что Блэндаль поселил на нашем хуторе одну из убийц и что ни меня, ни Йоуна даже не спросили, что мы об этом думаем... но вот почему Блэндаль принял такое решение – только он один и знает.

Роуслин выразительно закивала:

– Да-да, конечно! Оуск и в самом деле ужасная сплетница.

– Вот именно.

Роуслин все кивала, затем шагнула к Маргрет и положила руку ей на плечо:

– Я тебе так сочувствую!

– С чего бы это?

– Ну как же – ведь у тебя в доме будет жить убийца! Каждый день тебе придется смотреть в ее жуткое лицо! А уж как, верно, будет тебе страшно за себя, за мужа и бедняжек дочерей!

Маргрет фыркнула.

– Лицо у нее вовсе не жуткое, – заметила она, но Роуслин ее не слушала.

– Знаешь, Маргрет, мне довольно много известно об этом убийстве, и позволь тебя предостеречь, что я немало ужасов наслушалась о тех трех злодеях, которые лишили жизни добрых людей Натана Кетильссона и Пьетура Йоунссона!

– Вот уж кого трудно назвать добрыми людьми, так это Натана и Пьетура.

– Но они и вправду были добрыми! Не без греха, конечно, но...

– Роуслин, Пьетур перерезал горло трем десяткам овец. Он был обыкновенный вор.

– И все равно они были почтенными гражданами Исландии! А как же родные Натана? Подумай о них! О Гвюндмюндуре, его брате, о жене Гвюндмюндур и их малых детишках! Ты же знаешь, они сейчас перебрались в Идлугастадир, чтобы отстроить дом и мастерскую Натана.

– Роуслин, если то, что я слышала, правда, Натан больше времени проводил в постелях замужних женщин, нежели в своей мастерской!

Роуслин осеклась, опешив.

– Э-э... что с тобой, Маргрет?

– Дело в том, что... – Маргрет обернулась на входную дверь, – все не так просто, – наконец пробормотала она.

– Но ты же не считаешь, что они заслуживали смерти?

Маргрет фыркнула:

– Нет, конечно.

Роуслин окинула ее настороженным взглядом.

– Ты же знаешь, что эта женщина виновна в убийстве?

– Да, я знаю, что она виновна.

– Вот и хорошо. Тогда позволь дать тебе совет: лучше не поворачивайся спиной к этой... как там ее?

– Агнес, – негромко ответила Маргрет. – И ты, Роуслин, знаешь ее имя.

– Ну да, Агнес Магнусдоттир – вот как ее звать. Будь осторожна. Знаю, ты мало что можешь сделать, но хотя бы попроси у сислуманна охрану, чтобы следили за ней днем и ночью. И пускай ее держат в наручниках! Говорят, из этих троих осужденных Агнес – главная преступница. Тот юноша, Фридрик, делал все, что она ни прикажет, а девушку она заставила следить, чтобы их не застали врасплох, да еще привязала ее к дверному косяку, чтобы бедняжка не сбежала! – Роуслин шагнула вперед, вплотную придвинулась к Маргрет. – Я слыхала, что именно Агнес нанесла Натану восемнадцать ударов ножом. Восемнадцать подряд!

– Да неужели? – пробормотала Маргрет. Она уже всей душой желала, чтобы Снайбьёрн наконец вернулся и увел свою благоверную.

– В горло и в живот! – Лицо Роуслин пылало от возбуждения. – И даже – сохрани нас, Господи! – даже в лицо! Говорят, она вонзила нож ему *в глазницу*! Проткнула, словно яичный желток! – Она с силой стиснула плечо Маргрет. – Я бы в одной комнате с этой женщиной глаз сомкнуть не смогла! Лучше уж спать в хлеву, чем так рисковать! Ох, Маргрет, я просто поверить не могу, что слухи оказались чистой правдой! Убийцы среди нас! До чего только докатился этот приход! Хуже, чем то, что рассказывают про Рейкьявик! И подумать только, *она* стояла на том самом месте, где сейчас играют мои доченьки! Меня от этой мысли в дрожь бросает. Вон, гляди – и руки покрылись гусиной кожей! Бедная моя Маргрет, как же ты все это выдержишь?!

– Справлюсь, – отрывисто бросила Маргрет, наклоняясь, чтобы поднять с земли тарелку с ржаным хлебом.

– Правда? А где же Йоун, почему не охраняет свою жену?

– Йоун в Хваммуре, у Блэндаля. Я же говорила.

– Маргрьет! – Роуслин выразительно воздела руки к небесам. – Каков злодей этот Блэндаль, оставил тебя и твоих дочек наедине с этой женщиной! Знаешь что? Я останусь здесь, с тобой.

– Ни в коем случае, Роуслин, – отрезала Маргрьет, – хотя и спасибо, что так беспокоишься обо мне. А теперь – не хотелось бы тебя выпроваживать, но овцы сами себя не подоят.

– Может, тебе помочь? – осведомилась Роуслин. – Дай-ка я возьму этот хлеб и занесу его в дом!

– До свидания, Роуслин.

– Может, если б я увидела ее собственными глазами, я сумела бы оценить опасность, которая угрожает тебе. Да что там – всем нам! Что помешает ей ночью тайком выбраться из дома?

Маргрьет взяла Роуслин за локоть и развернула лицом в ту сторону, откуда та пришла.

– Спасибо, что заглянула, Роуслин, и за хлеб спасибо. Ступай осторожней, смотри под ноги.

– Но...

– До свидания.

Роуслин напоследок оглянулась на дом, затем выдавила улыбку и, неуклюже ступая, двинулась вниз по холму, к Гилсстадиру. Дочки заковыляли следом. Маргрьет стояла, стиснув тарелку с ржаным хлебом, и смотрела им вслед до тех пор, пока все трое не превратились в едва различимые точки. Лишь тогда она присела на корточки и кашляла, покуда рот не наполнился вязкой слюзью. Маргрьет сплюнула в траву, медленно выпрямилась и, развернувшись, ушла в дом.

* * *

Войдя в бадстову, я вижу, что кровать, на которой спал офицер, пуста. Должно быть, он присоединился к сотоварищам; я слышу, как они болтают за окном на смеси датского и исландского. Вероятно, они не видели, как хозяйка хутора втокнула меня в дом. Дочерей хозяйки, которые спали на других кроватях, тоже нет. В комнате ни души.

Ни души.

Никто не следит за каждым моим движением, у дверей нет стражи, я не связана, не законвана в кандалы, не заперта снаружи. Я свободна – и одна, совсем одна. При мысли об этом меня охватывает оцепенение. Но ведь наверняка же кто-то подсматривает за мной в замочную скважину? Наверняка же кто-то прильнул к незаметной щели в стене и ждет, затаив дыхание, что я стану делать, ждет повода ворваться в комнату и наставить на меня обличающий перст, словно острие ножа на горло?

Никого. *Совсем* никого.

Я стою посреди комнаты и жду, когда глаза привыкнут к полутьме. Да, я и вправду совсем одна, и ликующая дрожь пробегает по телу, точно рябь по воде, которая вот-вот закипит в котле. Сейчас, сию минуту, я вольна делать все, что ни заблагорассудится: осмотреть дом, прилечь, заговорить вслух, запеть. Я могу пуститься в пляс, выругаться или расхохотаться – и никто об этом не узнает.

Я могу сбежать.

Холодок страха пробегает по спине. Так бывает, когда стоишь на льду и вдруг слышишь, как он начинает трескаться под твоей тяжестью, – пугающее и в то же время возбуждающее чувство. В Стоура-Борге я мечтала о побеге. Мечтала о том, чтобы отыскать ключи от кандалов и убежать, – и даже ни разу не задумывалась, куда побегу. Там подходящего случая так и не

представилось. Зато сейчас я могла бы незаметно выскользнуть со двора и убежать в дальний конец долины, подальше от хуторов, там дожидаться ночи и под покровом темноты пробраться в горы, где небо укроет меня своей шершавой дланью. Я могла бы убежать в пустоши. Всем показать, что меня невозможно удержать взаперти, что я, как дерзкая воровка, украду время, которого меня вознамерились лишить!

Пылинки кружатся в солнечном свете, который проникает в комнату сквозь затянутое пузырем окно. Я наблюдаю за этим танцем – и волнующая мысль о побеге спадает, уходит в глубину, словно вода в гейзере. Сбежав, я всего лишь сменяю один смертный приговор на другой. Высоко в горах воют, словно вдовы рыбаков, снежные бури, ветер покрывает струпьями обмороженное лицо. Зима обрушивается внезапно, как удар кулака в темноте. Безлюдье, как и палач, не ведает жалости.

Ноги у меня подгибаются, когда я бреду к кровати. Смыкаю веки – и тишина бадстовы накрывает меня с головой, как гигантская ладонь.

Когда неистовый стук сердца становится тише, я бросаю взгляд туда, где спал офицер, вижу скомканное покрывало и обнажившийся вытертый тюфяк. Зря он не заправил кровать – это не к добру. Быть может, если постель еще теплая, он где-то поблизости. Трогая тюфяк, я испытываю неловкость от собственной бесцеремонности, однако обнаруживаю, что постель давно остыла. Офицер далеко. Моя кровать заправлена. Я провожу ладонями по тонкому одеялу – ворс от старости истерся, и оно стало совсем гладким. Сколько людей укрывало оно до меня? Сколько кошмарных снов родилось под этим покрывалом?

Пол в бадстове выстлан досками, но стены и потолок ничем не прикрыты, и дерн явно нуждается в заплатках; пласты сухой дернины провалились вовнутрь и истончились, образовав в стенах трещины и отдав комнату на откуп сквознякам. Зимой здесь будет холодно.

Впрочем, до зимы я скорее всего не доживу.

Прочь эту мысль! Немедленно!

Ключья сухой травы свисают с потолка, словно немые космы. На потолочных балках кое-где виднеется резьба, а к притолоке прибит крест.

Интересно, зимой здесь поют церковные гимны? А может быть, рассказывают саги – я всегда предпочитала хороший рассказ молитве. За это меня били плетью – здесь же, в Корнсау, когда я была совсем юной и меня отдали на воспитание, а верней, батрачкой на ближнем поле. Хуторянину Бьёрну пришлось не по вкусу, что я знаю саги лучше, чем он. Ступай к овцам, Агнес. Книги, которые написаны не Господом, а людьми, – дурная компания и не для таких, как ты.

Я поверила бы ему, если бы не Инга, моя приемная мать, и не уроки, которые она давала мне шепотом, когда он клевал носом по вечерам.

Недалеко от входа, рядом с кроватью хозяйки висит занавеска из серой шерсти, приколотая гвоздями к тонкой доске. Полагаю, она служит дверью в другую комнату. Занавеска коротковата, и в щели между ее краем и полом отчетливо видны ножки стола. Кое-где они треснули, словно кто-то их основательно погрыз.

В бадстове почти так же голо, как и много лет назад, хотя между наклонными балками и стенными подпорками приколоты дощечки, которые служат полками. На них нашли приют самые обычные вещи: деревянные банки, бараньи рога, курительная трубка, рыбы кости, варежки и вязальные спицы. Под одной из кроватей стоит небольшой раскрашенный сундучок. Валяется домашняя туфля с прорехой. Знакомый вид обыденных мелочей утешает. Когда-то и у меня было такое же скромное имущество. Белый мешочек с засушенными цветами. Камешек, который перед уходом подарила мне мама. Он принесет тебе счастье, Агнес. Это волшебный камешек. Если положишь его под язык, сможешь разговаривать с птицами.

Я ходила с этим камешком во рту много дней. Если птицы и понимали мои вопросы, они так ни разу и не соизволили на них ответить.

Хутор Корнсау, округ Хунаватн. Когда мне было шесть лет, мама принесла меня на его порог, поцеловала, вручила волшебный камешек и ушла; и вот теперь, когда миновали тридцать три зимы моей жизни, меня вновь привезли сюда – из-за сгоревшего хутора и двоих убитых мужчин. Мне довелось работать на стольких северных хуторах, что и не сочтешь, но бедность сглаживает их черты так, что под конец все они становятся одинаковы, всем недостает самого необходимого. Повидал один такой хутор – считай, что видел все.

Итак, вот он – Корнсау, мой последний мрачный приют. Последний в моей жизни кров, последний пол, последняя кровать. Все здесь – последнее, и от этой мысли становится больно, словно после меня здесь и вправду не останется ничего, только дым от заброшенных очагов. Нужно притворяться, будто я по-прежнему обыкновенная служанка, а Корнсау – просто новое место работы, и мне надлежит перебирать в уме свои обязанности и думать о том, как добиться от хозяйки похвалы своим проворным рукам. Раньше я думала еще и о том, что если буду усердно трудиться, то когда-нибудь, быть может, стану хозяйкой хутора... но только не здесь. В Корнсау такие мысли неуместны.

Корнсау. Название это так неотвязно вновь и вновь повторяется в моей голове, что я поневоле тихонько произношу его вслух и ощущаю его звучание. Я говорю себе, что это всего лишь хутор, один из многих, не более, и негромко себе под нос выпеваю названия всех тех мест, где мне доводилось жить. Это похоже на заклинание – Флага, Бейнакельда, Литла-Гильяу, Бреккукот, Корнсау, Гвюдрунарстадир, Гилсстадир, Габл, Фаннлаугарстадир, Бурфедль, Гейтаскард, Идлугастадир...

Одно из этих названий – ошибка. Кошмарный сон. Ступенька лестницы, которую пропускаешь в темноте.

Воплощение всего, что обернулось бедой. Идлугастадир, хутор у моря, где в теплом воздухе стоит звон кузницы, смешиваясь с криками чаек и шумом бесконечно катящихся волн. Идлугастадир, где ночь охвачена заревом, где поутру тянутся к небесам столбы дыма, где вечный Идлугастадир, превратившийся в руины, укачивает мертвецов в колыбели из обугленных балок.

Офицеры, болтающие за окном, раздражаются хохотом. Один из них ведет речь о своем богатом родственнике из Хельгаватна.

– Надо заехать к нему, облегчить его в смысле бренвина!

– А заодно прихватить с собой его жену и дочек! – кричит другой. И снова все хохочут.

Останется ли кто-нибудь из них проследить за тем, чтобы я не сбежала? Приглядеть, чтобы не зажгла лампу, не плеснула на пол горящее масло? Удостовериться, что я не скажу и не сделаю лишнего, что буду паинькой?

Я ведь теперь – казенное имущество.

От души надеюсь, что все они уедут сегодня же.

Напрягая слух, чтобы различить болтовню офицеров, я вдруг замечаю под кроватью напротив что-то блестящее. Серебряная брошь, неуместная в нищенски скудной обстановке этой комнаты. Может, ее украли? Такое не в диковинку в здешней долине, где могут поймать овцу и срезать с ее уха клеймо прежде, чем стадо разбежится, где мужчины отращивают ногти, чтоб ловчее было схватить монетку. Не один хуторянин или батрак в здешних краях бывал бит плетью за воровство. Даже у Натана остались шрамы от сведенного еще в юности знакомства с розгой.

Я поднимаю брошь. Она оказывается неожиданно тяжелой.

– Положи сейчас же! Это мое!

Худенькая девушка стоит, расставив ноги и угрожающе растопырив руки.

Я роняю брошь, и мы обе вздрагиваем от стука, с которым она падает на пол. Девушка невысокая, тонкая в кости, со светлыми ресницами, которые кажутся еще светлее на фоне темно-синих глаз. Голова у нее покрыта платком, нос с легкой горбинкой.

– Стейна!

Девушка не шелохнулась, все так же смотрит на меня с порога. Думаю, она меня боится.

В комнату входит еще одна девушка. Наверное, сестра первой, только выше ростом, с карими глазами, нос усыпан веснушками.

– Роуслин и ее выводок... – начинает она и тут же осекается, увидев меня.

– Она прикасалась к моему подарку на конфирмацию.

– Я думала, мама увела ее из дома.

– Я тоже так думала.

Обе в упор уставились на меня.

– Мама! Мама, иди сюда!

Входит Маргрет, неуклюже ступая и вытирая рот. Видит серебряную брошь, которая валяется на полу у моих ног, – и мгновенно бледнеет. Губы ее приоткрываются.

– Мама, она трогала мою брошку! Я сама видела!

Маргрет крепко зажмуривается, как от боли, и проводит ладонью по губам. Мне хочется тронуть ее за плечо. Уверить, что все в порядке. Она делает шаг ко мне, теперь уже взбешенная, – и я ощущаю удар по щеке прежде, чем слышу звук пощечины. Четкий хлопок. Жгучая вспышка боли.

– Что я тебе говорила?! – кричит Маргрет. – Чтоб ничего не смела трогать в этом доме!

Она тяжело переводит дух, рука ее все так же протянута к моему лицу.

– Твое счастье, что я не стану сообщать об этом случае.

– Я не воровка, – говорю я.

– Верно. Ты – убийца! – бросает синеглазая девушка, и ямочки на ее щеках становятся отчетливой. Платок сполз с ее головы, и выбившаяся прядь очень светлых, почти белых волос падает на лоб. Лицо ее покраснелось.

– Лауга, – грозно говорит Маргрет, – возьми Стейну, и ступайте в кухню.

Девушки уходят. Маргрет грубо хватает меня за рукав.

– Пошли! – цедит она, вытаскивая меня из комнаты. – Будешь вкалывать, как собака, – вот тебе и покаяние.

* * *

Преподобный Тоути проснулся рано поутру и уже не смог заснуть. Сегодня его опять ждали в Корнсау. Неохотно встав и одевшись, он вышел на прохладный и чистый утренний воздух и взялся за домашние дела. Он собрал в загон небольшое стадо овец, принадлежавших отцу, и с неумеренной нежностью принялся их доить, шепотом называя каждую по имени и проводя пальцами по мохнатым ушам.

Утро шло своим чередом, небо заливал солнечный свет. Тоути покормил и напоил корову, которую звали Иса, и принялся снимать выстиранное белье с каменной церковной стены, где его разложил для просушки отец.

– Тебе незачем это делать, – заметил преподобный Йоун, подходя к сыну со стороны дома.

– Мне не трудно, – отозвался Тоути улыбаясь. И снял с чулка семечко травы.

Отец пожал плечами.

– Я думал, ты к этому времени уже проедешь Ватнсдалюр.

Тоути состроил гримасу.

– Зачем ты возишься с бельем, если тебе надлежит встретиться с ней?

Тоути помолчал, глядя на преподобного Йоуна, встряхивающего на ветру пару штанов.

– Я не знаю, что сказать ей, – признался он и, чуть помедлив, спросил: – А что бы ей сказал ты?

Отец хлопнул его по плечу заскорузлой рукой и окинул сердитым взглядом.

– Шевелись, – бросил он. – Кто сказал, что тебе вообще нужно о чем-то говорить? Поезжай.

* * *

Маргрьет ведет меня через двор, чтобы показать небольшую делянку с любистоком и дягилом, а потом я помогаю ей доить овец. Полагаю, ей больше не хочется оставлять меня одну. Парнишка, пришедший сюда до нас, уже согнал животных. Маргрьет сообщает мне, что его имя Паудль, однако не трудится представлять нас друг другу, а сам он не подходит близко, хотя издали глазеет на меня разинув рот.

Потом мы сжигаем мое платье.

Я сшила его два года назад. Мы с Сиггой сшили себе по платью, простому синему рабочему платью из ткани, которую дал нам Натан.

Знать бы тогда, что платье, над которым я трудилась, станет единственной моей защитой от холода в комнатухе, насквозь провонявшей немытым телом. Знать бы тогда, что однажды ночью я в лихорадочной спешке натяну это платье и оно промокнет от пота, когда я в глухую ночь побегу в Стапар, вопя так, что и мертвые поднялись бы из могил.

Маргрьет дает мне немного парного молока из подойника, а после мы отправляемся в кухню, где ее дочери разводят огонь, подкладывая в очаг куски сухого навоза. Когда я вхожу в кухню, они разом пятятся к стене.

– Сними котелок с крюка, Стейна, – говорит Маргрьет неказистой девушке. Потом забирает из угла кухни мои грязные обноски и без церемоний швыряет их в огонь. – Вот так-то. – В голосе ее звучит удовлетворение.

Мы смотрим, как тлеет в огне шерстяное платье, – смотрим до тех пор, пока глаза не начинают слезиться от дыма, а на Маргрьет не нападает кашель, и волей-неволей, покуда горит моя одежда, нам приходится выйти и заняться другими делами. Дочери Маргрьет отправляются в кладовую.

Это платье было последним моим имуществом. Теперь во всем мире нет ничего, что принадлежало бы лично мне; даже тепло моего тела уносит свежий летний ветер.

Травяная делянка Корнсау разрослась и одичала, каменная стена, которая окружает ее, с одной стороны обвалилась. Большинство растений выродилось, подмороженные корни загнили с наступлением тепла, но кое-что уцелело – пижма и еще какие-то горькие травы, памятные мне по мастерской Натана в Идлугастади́ре, да и дягиль источает сладкий аромат.

Мы пропалываем делянку, отыскивая пучки травы, которые окружили здоровые растения, и бесцеремонно выдирая их из земли. Я наслаждаюсь податливостью корней и клейкими следами, которые оставляет на пальцах вырванная трава, – наслаждаюсь, хотя в груди ноет и трудно дышать. Я изрядно ослабела... и все-таки не сдаюсь.

Какое это наслаждение – сидеть на корточках, подоткнув юбку, и вдыхать запах навозного дыма, пропитавшего мои волосы. Маргрьет ожесточенно трудится и тяжело дышит. О чем она думает сейчас? Лихорадочно разгребает землю, под ногтями черно, глаза покраснели после дымной кухни. Когда она откашливается, я слышу бульканье мокроты.

– Вернись в дом и скажи моим дочерям, чтобы шли сюда, – внезапно говорит она. – Потом выгребешь из очага пепел и закопаешь его на дворе.

Когда я – одна, без сопровождения – возвращаюсь к дому, офицеры как раз седлают коней. При виде меня умолкают.

– Все в порядке?! – кричит один из них Маргрьет, и та успокаивающе машет грязной рукой.

Входная дверь распахнута настежь, вероятно, для того чтобы выветрился смрадный дым. Я осторожно переступаю порог.

Дочери Маргрет в кладовой снимают сливки со вчерашнего молока. Младшая видит меня первой и локтем толкает в бок сестру. Обе пятятся на пару шагов.

– Вас мать зовет.

Я коротко киваю и отступаю в сторону, чтобы не загораживать им дорогу. Младшая тотчас же выскальзывает из кладовой, ни на мгновение не упуская меня из виду.

Старшая сестра медлит. Как ее зовут – Стейна? «Камень». Она окидывает меня странным взглядом и медленно откладывает лопатку.

– Кажется, я тебя знаю, – говорит она.

Я молчу.

– Ты ведь раньше служила здесь, в долине, верно?

Я киваю.

– Да, я знаю тебя. Я хочу сказать – мы виделись однажды. Ты уезжала из Гвюдрунарстадира, как раз когда мы перебирались туда, чтобы получить аренду. Мы встретились на дороге. Когда же это было? В мае 1819 года. Сколько лет ей могло быть тогда? Не больше десяти.

– С нами был пес. Коричневый с белым. Я запомнила тебя, потому что пес начал лаять и прыгать и пабби оттащил его от тебя, а потом мы все вместе поужинали.

Девушка испытующе вглядывается в мое лицо.

– Это тебя мы встретили тогда, по дороге в Гвюдрунарстадир. Помнишь меня? Ты заплела моей сестре косы и дала каждой из нас по яйцу.

Две девочки на обочине, в кулачках сырые яйца, подолы юбок облеплены сырой грязью. Тощий пес гоняется за своим отражением в воде, и в ней же отражается просторное пасмурное небо. Три ворона летят в ряд. Хорошая примета.

– Стейна!

Пеший путь морозной весной из Гвюдрунарстадира в Гилсстадир. 1819 год. Сотня маленьких китов выбросились на берегу у Тингейрара. Дурная примета.

– Стейна!

– Иду, мама! – Стейна поворачивается ко мне. – Я же права, верно? Это была ты.

Я делаю шаг к ней.

В кладовую врывается хозяйка хутора.

– Стейна! – Она смотрит на меня, затем на свою дочь. – Марш на двор. – Хватает девушку за руку и выволакивает из комнаты. – А ты – чистить очаг. Живо.

Во дворе свежий ветер выдувает из деревянной бадьи испепеленные останки моего платья и уносит их в синее небо. Серые хлопья трепыхаются, опадают и рассыпаются в воздухе. Что это – счастье? Вот это тепло в груди, словно кто-то прижал к ней руку?

Быть может, здесь я смогу вообразить себя прежней Агнес.

* * *

– Начнем с молитвы? – спросил младший проповедник Торвардур Йоунссон.

Он и Агнес сидели перед воротами усадьбы, на небольшой груде нарезанного дерна, приготовленного для починки дома. Преподобный держал в одной руке Новый Завет, а в другой изрядно размякший ломоть ржаного хлеба, намазанного маслом, – угощение, которое вручила ему Маргрет. К ломтю прилип конский волос, упавший с одежды преподобного.

Агнес ничего не ответила на этот вопрос. Она сидела, сложив руки на коленях, слегка ссутулясь, и неотрывно смотрела на вереницу отъезжающих офицеров. В волосах ее были хлопья пепла. Ветер стих, и со стороны всадников время от времени долетало то громкое восклица-

ние, то взрыв хохота, врывавшиеся в размеренный хруст травы, – Маргрет и ее дочери пололи делянку. Хозяйка хутора то и дело поднимала голову и всматривалась в пастора и убийцу.

Тоути глянул на книгу, которую держал в руках, и откашлялся.

– Думаешь, нам следует начать с молитвы? – повторил он уже громче, решив, что в первый раз Агнес его не расслышала.

– Начать с молитвы? – негромко переспросила она. – Что начать?

– Э-э... – Тоути запнулся, застигнутый врасплох. – Отпущение грехов.

– Отпущение грехов? – эхом отозвалась Агнес. И едва приметно покачала головой.

Тоути поспешно запихал хлеб в рот, проворно разжевал его и шумно проглотил. Затем вытер руки о рубашку, полистал Новый Завет, поудобнее устраиваясь на груди дерна. Дерн был еще сырой после ночного дождя, и Тоути чувствовал, как влага пропитывает штаны. Незачем было здесь садиться, подумал он. Дурацкое местечко. Лучше бы он остался в доме.

– Агнес, я получил письмо от сислуманна Блэндала всего лишь месяц с небольшим назад, – сказал Тоути вслух и тут же запнулся, помедлил. – Я ведь могу называть тебя Агнес?

– Так меня зовут.

– Сислуманн сообщил, что ты была недовольна наставлениями преподобного в Стоура-Борге и пожелала, чтобы другой священник навещал тебя до самой... до того, как... – Голос Тоути прервался.

– До того, как я умру? – подсказала Агнес.

Тоути поспешно кивнул.

– Он утверждал, что ты попросила в духовные наставники меня.

Агнес сделала глубокий вдох.

– Преподобный Торвардур...

– Просто Тоути. Меня все так зовут, – перебил он – и покраснел, тут же пожалев о своей фамильярности.

Агнес помолчала, колеблясь.

– Хорошо. Преподобный Тоути. Как по-вашему, чего ради сислуманн хочет, чтобы я встречалась со священником?

– Мм... я думаю... то есть я хочу сказать – потому что Блэндаль, служители церкви и я сам... мы хотим, чтобы ты вернулась к Господу.

Лицо Агнес закаменело.

– По-моему, я и так достаточно скоро к Нему вернусь. С одного взмаха топора.

– Но я не это хотел... верней, не в этом смысле...

Преподобный Тоути вздохнул. Все пошло именно так, как он опасался.

– И тем не менее ты попросила прислать меня. Вот только я довольно долго рылся в приходских книгах Брейдабоулстадура, однако так и не нашел там твоего имени.

– Его там и не могло быть, – отозвалась Агнес.

– Ты никогда не была ни моей прихожанкой, ни прихожанкой моего отца?

– Верно.

– Почему же ты захотела, чтобы я стал твоим духовным наставником, если мы даже не были прежде знакомы?

Агнес пристально, в упор взглянула на него:

– Так вы меня совсем не помните?

Тоути опешил. В этой женщине, несомненно, было что-то знакомое, но сколько он ни рылся в памяти, перебирая всех особ женского пола, которых когда-либо знал или видел, – служанок, матерей, жен, маленьких девочек, – лица Агнес среди них не находилось.

– Не помню, – наконец сознался он.

Агнес пожала плечами.

– Однажды вы пришли мне на помощь.

– В самом деле?

– Перевезли через реку. На спине своей лошади.

– И где это случилось?

– Недалеко от Гёйнгюскёрда. Я служила в Фаннлаугарстадире и как раз тогда покинула место службы.

– Так ты родом из округа Скагафьёрдур?

– Нет. Я родом из этой долины. Ватнсдалюр. Округ Хунаватн.

– И я помог тебе переправиться через реку?

– Да. Долину затопило, и вы верхом на лошади явились как раз в тот миг, когда я уже решила добраться до того берега вброд.

Тоути задумался. В прошлом ему не раз доводилось проезжать через Гёйнгюскёрд, однако он не мог припомнить, чтобы в этих поездках встречал какую-то молодую особу.

– Когда это произошло?

– Шесть или семь лет тому назад. Вы тогда были молоды.

– Да, пожалуй, – отозвался Тоути. На секунду воцарилось молчание. – Так ты попросила меня в духовные наставники из-за того, что я тогда отнесся к тебе по-доброму?

С этими словами он пристально взгляделся в лицо Агнес. А ведь она совсем не похожа на убийцу, подумал Тоути. По крайней мере, с тех пор как хорошенько вымылась.

Агнес сощурилась, окинула взглядом долину. Лицо ее оставалось непроницаемо.

– Агнес... – Тоути тяжело вздохнул. – Я всего лишь младший проповедник. Мое обучение еще не завершено. Быть может, тебе необходим опытный пастор либо житель твоего же округа, который хорошо тебя знает? Наверняка же еще кто-то проявлял к тебе доброту? Чьей прихожанкой была ты в этих краях?

Агнес заправила за ухо прядь черных волос.

– Я знавала не так уж много священников, которые были бы мне по душе, и уж точно ни об одном из них нельзя сказать, что он хорошо меня знает.

Пара воронов, пролетев над долиной, опустилась на каменную ограду вокруг делянки, и тотчас же с другой стороны ограды высунулась голова Маргрьет.

– А ну, кыш! – крикнула Маргрьет. В воздухе про свистел ком земли, и птицы, разразившись злобным карканьем, улетели прочь. Тоути глянул на Агнес и улыбнулся, но ее лицо осталось каменно-бесстрастным.

– Им это не понравится, – пробормотала она.

– Что ж, – проговорил Тоути, сделав глубокий вдох. – Если ты нуждаешься в духовном наставнике, то я сочту своим долгом навещать тебя. Следуя пожеланию сислуманна Блёндаля, я стану наставлять тебя в молитвах, дабы ты могла с достоинством и верой в Господа встретить то, что ожидает тебя впереди. Я вижу свою обязанность в том, чтобы вселить в тебя душевный покой и упование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.